

Маги начинают и выигрывают

К М АРИНА
КОМАРОВА

СОФИЯ
СЛЫШИТ ЗЕРКАЛА

Annotation

София слышит голоса зеркал, знает историю каждого из них. Знает, что они могут отражать не только физические оболочки, но и души с их темными и светлыми сторонами. Случайно она узнает, что в Германии живет ее брат, которому крайне необходима помощь Софии. Но, отправляясь к нему, она даже не подозревает, что на ее пути станут Теневой Король, клан горгулий и древние духи. А еще выяснится, что к ней равнодушен тот, чье имя вслух лучше не произносить.

Марина Комарова

София слышит зеркала

Автор выражает благодарность за консультации по немецкому быту и особенностям культуры Анне Верле и Наталье Ордынской

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Комарова М., 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Часть первая
Бильвиз и Роггенмеме

Глава 1

Гюнтер

— Вы нужны ему, София.

Я подняла взгляд на собеседника и поняла, что он не шутит. Одновременно хотелось смеяться и плакать. В такой ситуации бывать еще не приходилось. Нет, серьезно. Выглядело все словно фарс из неудавшейся постановки областного драматического театра.

Впрочем, кафе, в котором мы находились, в качестве декораций вполне годилось. Немного пафосное, жаркое и заполненное шумом голосов посетителей.

Если Гюнтер все понял по моему лицу, то сделал вид, что не заметил. Он увлеченно изучал меню. Я покрутила в руках мобильник и снова глянула на Гюнтера. Уже не молодой, наверное, где-то годам к пятидесяти. Но выглядит хорошо. Темные волосы с проседью, длиной до плеч. Правильные черты лица, высокий лоб, немного резкие скулы. Карие глаза, темные-темные, как кофе в белой керамической чашке, что стояла рядом на столике. Губы узковаты, нос, как на мой вкус, несколько напоминает клюв хищной птицы, однако... если вспомнить собственный, то стоит помолчать. И одежда явно стоит таких денег, которые мне не заработать и за пару месяцев.

— Вы уже выбрали? — прозвучал рядом звонкий голосок официантки в коричневом форменном платье и белом кружевном фартучке.

Я кивнула и ткнула в позицию: «Блинчики с курицей и грибами». Денек выдался суматошным, толком поесть не удалось, а Гюнтер был слишком настойчив. Из того рода людей, которым лучше дать то, что они хотят, нежели объяснить, почему вы это сделать не можете.

Гюнтер одобрительно кивнул, словно мог видеть сквозь кожаную обложку с золотым тиснением книжицы меню, и указал на кофе.

— Еще один.

Официантка ослепительно улыбнулась, будто готовилась прямо сейчас принять предложение выйти замуж, и упорхнула на кухню.

— Вы со всеми так? — поинтересовалась я как можно более нейтральным тоном и откинулась на спинку стула.

Сложила руки на груди, сделав вид, что мне все нипочем.

Что-то с ним не так. Может, тоже зеркальщик, просто скрывает это? Смотрит так, будто хочет душу наизнанку вывернуть. При этом не забывает улыбаться. Обаятельный гад. Как только меня угораздило послушаться Славкиных уговоров и все же пойти на свидание?

Собеседник оторвался от меню, с любопытством поглядев на девушку, сидящую за столиком неподалеку и громко говорящую по телефону.

Первоначально, правда, мне представили его как Гюнтера Крампе, адвоката и... в общем, богатого немца, который хочет познакомиться с нашей девушкой. Контраргументом от неугомонной подруги было: «Сонька, сходи уже! Не съест же он тебя. К тому же тебе писать блок статей о Германии. Вот и поработаешь... с матчастью».

Придя на свидание, я несколько раз обругала себя, что поддалась на авантюру. Немец оказался и впрямь богатым, обаятельным и... явно искал не жену. А стоило переводчице отлучиться припудрить носик, этот самый немец на чистом русском языке сообщил:

— А теперь поговорим о деле.

И выдержал паузу, давая пройти моему первоначальному ступору. Выяснилось, что меня ищут по поручению брата. И самое пикантное — вышеназванный брат, оказывается, мой. Поначалу подумалось, что Гюнтер меня с кем-то путает.

Вернувшаяся переводчица не дала разузнать больше, потому что Гюнтер снова сделал вид, что ни слова не понимает по-русски. На следующий день он нашел меня сам. При этом переводчица клялась, что никаких контактов не давала. Что было странно и не давало махнуть рукой на все происходящее.

— Как пойдет, — невозмутимо ответил Гюнтер. — Не делайте столь презрительное лицо, словно вам неприятно.

«Бабники — это неприятно или нет?»

Вслух произносить ничего не стала, ибо еще неизвестно, как он отреагирует. Ведь ясно дал понять, что знает обо мне куда больше, чем показывает. Поэтому лучший выход — молча слушать и временами задавать четкие вопросы. Самым неприятным было то, что Гюнтер явно все понимал. Даже без слов.

— Зачем я понадобилась брату? — прямо спросила я.

Брат так брат. Буду пока называть так.

Гюнтер взял чашку и сделал глоток. И неожиданно для себя я невольно засмотрелась. В его карих глазах вспыхнули золотисто-коньячные искры: слишком яркие, нечеловеческие. Мои кончики пальцев похолодели. Нет, он не зеркальщик. Мы так не умеем. Все, кто слышит зов зеркал, внешне выглядят как обычные люди. А этот... кто он?

— София, вы прекрасно знаете, что такое дар, — лениво обронил он. — И что именно происходит, если он передается треснувшим зеркалом.

Я-то знала. Как и историю моей прабабки Ирины, которая получила дар, взглянув в треснувшее зеркало в лавке антиквариата в далеком Гамбурге. После этого, приехав домой, она начала слышать голоса зеркал.

— Если в него посмотрят два человека одновременно, то дар разделится, — ровно сказала я. Распахнулись дверцы из светлого дерева, пропуская официантку с моим заказом. — Что, скорее всего, и произошло.

Прабабушка говорила, тогда в лавке были еще люди. Но смотрелся ли кто-то в зеркало еще — не знала. Да и кроме нее, ни у кого в нашей семье дар не проявлялся. Только вот до меня докатилось. И тут тебе здрасте. Оказывается, есть брат. При этом, ясное дело, не по крови, а по дару. Только почему столько времени все молчали, а тут резко зашевелились?

Официантка, бодро процокав каблучками, подошла к нам и поставила на стол тарелку с изумительно пахнущими блинчиками, посыпанными тертым сыром и смазанными сметаной. Перед Гюнтером оказалась вторая чашка кофе. Девушка попыталась вновь призывно улыбнуться, однако тот проигнорировал ее и смотрел исключительно на меня. Официантка явно разочаровалась, поняв, что здесь ей ничего не светит, бросила на меня недовольный взгляд и удалилась.

— Дар разделился. И у Стефана проявился так же, как у вас. Правда, его сила в разы больше, — как ни в чем не бывало продолжил Гюнтер.

Я взяла нож с вилкой и невозмутимо принялась резать блинчик. В любой непонятной ситуации принимайся за еду. А там уже по обстоятельствам. К тому же слова про силу неслабо задели, хотя показывать этого я не собиралась. Обычно у разделивших дар он все же одинаковый. Просто кто-то развивал лучше, а кто-то хуже. Во всяком случае, так говорилось в источниках, которые удалось отыскать моей прабабке.

— Нахождение вдалеке от своего зеркального близнеца — испытание не из легких, — продолжил Гюнтер. И пусть у него сейчас вид спокойного и расслабленного кота, следил он за каждым моим движением. — Дар начинает брать свое. И его носителю грозит безумие. Плюс на первый план выходит темная сторона души. Поэтому... зеркальщик становится опасным для окружающих.

Моя рука дрогнула, нож сорвался и противно скрежетнул по тарелке. Получалась не слишком радужная картина.

Я отправила в рот еду, не решаясь взглянуть на собеседника. О зеркальном безумии приходилось читать, да. Это болезнь. При этом если дар зеркальщика достаточно силен, то он действительно опасен. Лично, слава богу, такого не видела, но слышала страшное.

— Какое положение Стефан там у вас занимает?

Вопрос получился не совсем правильным, но слова обогнали мысли.

Гюнтер сцепил пальцы в замок и произнес нарочито безразличным тоном:

— Глава зеркальщиков города, София. Просто глава.

Я поперхнулась. Гюнтер любезно наклонился и похлопал меня по спине. Я утерла выступившие слезы, на краю сознания отметив, что руки у него какие-то чересчур длинные. Но услышанное и впрямь поставило в тупик. Главы зеркальщиков есть в каждом городе, несомненно. Этакие неофициальные мэры. Следят за порядком, наказывают зарвавшихся и помогают тем, кому нужно восстановить дар. Если с таким человеком что-то произойдет, то это и впрямь беда.

Гюнтер виртуозно выдерживал паузу, давая возможность осознать все самой. Только вот чем больше проходило времени, тем меньше мне нравилась создававшаяся ситуация. И срочно надо было с кем-то посоветоваться. Может, есть в этом мире люди, способные все бросить в одночасье и рвануть к кому-то на помощь, но не... я. К тому же почему меня нашел не так называемый брат, а...

— Я его советник, — произнес Гюнтер, проводив взглядом статную рыжую красавицу в красном приталенном пальто. — Стефан слишком похож на вас, София. Ни за что не признается, что ему необходима помощь.

Мне стало нехорошо. Он мысли читает, что ли? Это очень плохо. Или такой весь профи-психолог?

Гюнтер перевел на меня взгляд.

— Как вы поняли, я кое-что могу. Не все, но многое.

...и лучше вам не знать этого полностью. Прямо не сказал, но на лице это было написано.

Я задумчиво постучала пальцами по крышке стола, с легкой грустью глянула на опустевшую тарелку. Жаль, ужином больше не прикрыться. Ладно, придется говорить начистоту.

— Это все очень внезапно, — наконец-то ответила я. — Надо подумать.

Прямо отказать в помощи нельзя. Ни по чести, ни по душе... да и плохо оставлять зеркальщика в беде. Но информации маловато. Надо бы переговорить с нашим местным главой. И тогда уже принимать решение. А еще избавиться от пронизывающего взгляда господина Гюнтера. Ведь явно же уверен, что я соглашусь и поеду с ним.

— Мне надо знать больше, — сказала я, глядя ему в глаза. — О Стефане, о зеркальщиках Гамбурга и о том, как... вы меня нашли. Но для начала надо все обдумать.

Гюнтер отставил чашку и кивнул. По его лицу было не разобрать, о чем он думает и что

для себя решил.

— А теперь прошу прощения, но мне надо идти. Спасибо за ужин.

Я поднялась со стула. За окном уже давно стемнело. И пусть мне не хотелось выходить в холодный ветреный октябрь, разгулявшийся на всю, выбора не оставалось.

Гюнтер встал, галантно помог надеть куртку. Я с трудом сдержала смешок. Такому бы помогать роскошным барышням на каблуках, в чулках и дорогих платьях, а не девчонке в джинсах и грубых ботинках. Но Гюнтер и бровью не повел. Видимо, решил, что сестре уважаемого главы гамбургских зеркальщиков можно выглядеть и попроще.

— Надеюсь, к завтрашнему дню я получу ответ, — неожиданно шепнул он, почти коснувшись губами моего уха.

По телу словно пробежал разряд электрического тока. Случайно оказавшаяся рядом официантка, обслужившая нас до этого, посмотрела с такой завистью, что впору позеленеть.

— Я подумаю, — чудом не дрогнувшим голосом сказала я, делая шаг к выходу и стараясь сохранить достойный вид. — Не провожайте.

Гюнтер сделал вид, что разочарован, однако сел на место и чуть склонил голову к плечу, словно бы показывая, что не смеет перечить. Тоже мне еще шутник.

Я вышла из теплого кафе, пропитанного ароматом сладостей и кофе, и глубоко вдохнула холодный воздух. Ветер тут же растрепал волосы, поэтому срочно пришлось натянуть капюшон и быстрым шагом направиться к остановке.

Фонари разливали вокруг оранжево-желтый свет, сухие листья шуршали под ногами. Из-за угла выехала машина, сверкнув фарами, будто голодный дикий зверь. В окнах домов виднелись силуэты людей.

Вечер. Пятница. Все пришли домой. Сейчас будут отдыхать. И только Сонечка Сокольская шагает по городу, как малоприличная девочка. Да уж, стоит ускорить шаг.

Возле старинного дома с зелеными стенами я свернула налево, чтобы сократить дорогу. И поспешила дальше, не оборачиваясь. А зря.

* * *

Дверь за Софией закрылась, скрыв худенькую фигурку, тут же растворившуюся во тьме октябрьского вечера. Крампе только хмыкнул. Вот уж колпачок с ручечкой. Точная копия Стефана, и плевать, что они родились от разных родителей и в разных странах. Расколотый дар накладывает свой отпечаток на обоих. Как на внешность, так и на характер.

Что Стефан, что София светловолосые, светлокожие, с грубоватыми чертами лица и тяжелым взглядом серых глаз. Ну и носы. Характерные, что и говорить. Когда смотришь прямо, то ничего. А вот в профиль... выдающаяся горбинка, присущая всей семье Хармс. И, как теперь выяснилось, не обошла стороной и Сокольских.

София смотрела на Гюнтера с интересом, но настолько прохладным, что Эльба зимой могла показаться весьма теплой и гостеприимной рекой. Она переменилась в лице лишь тогда, когда услышала про безумие. Но все равно сумела сдержать эмоции. Такая выдержка, что достойна аплодисментов. Однако целью Крампе было увезти девушку в Германию, на комплименты и прочее отчаянно не хватало времени.

Он отодвинул чашку и задумчиво постучал кончиками пальцев по столу. Стефан взбесится, когда узнает, какой сюрприз ему привезут из Херсона. Но дело есть дело.

Спятивший глава зеркальщиков никому не нужен, поэтому придется принимать сестру и работать на восстановление дара.

— Счет, — коротко бросил Крампе проходившей мимо официантке.

Спасибо темной ночи, это была другая девочка, а не та, что крутилась возле них с Софией. Куколка была и впрямь неплоха, но сейчас не до шашней на стороне. К тому же зануда Клаус не упустит случая поехидничать и наставить на путь истинный.

Воспоминание о напарнике заставило поморщиться. Уж не повезло тут совсем. Но не критично, переживем.

Счет принесли через несколько минут. Глянув на сумму, Крампе хмыкнул. Да, в сравнении с привычными ценами и впрямь дешево, тут не наврали.

Неожиданно в окно что-то стукнуло. Никто из посетителей не отреагировал, однако он слишком хорошо знал этот звук. Гулкий и короткий, с отвратительным скрежетом острых когтей по стеклу. Кажется, рановато расслабился. Неприятности отыскивали их раньше, чем думалось.

Оставив деньги, Крампе поднялся и, на ходу надевая полупальто, вышел из кафе. Посмотрел по сторонам, мимо прошла в обнимку парочка влюбленных. Девушка вскользь прошла по Крампе взглядом, но явно не увидела. Ясно. Обычные люди.

Пришлось прислушаться к собственным ощущениям. И с разочарованием признать — ничего необычного. Ни малейшего намека на разгулявшихся шаттов. А они есть, это точно. Правда, неясно, когда и кто успел их заслать. Эх, надо бы поймать Городового и поговорить с ним. Этот точно в курсе. И чужеземного безобразия на своей территории терпеть не станет. Впрочем, Городовой занят городом. Не факт, что все бросит и побежит разбираться с немецким шаттом.

На стене дома напротив, едва освещенной светом фонаря, мелькнула тень. Странно размазанная и с рваными краями, как если бы ее нарисовал безумный художник. Все бы ничего, но... ее никто не отбрасывал.

— Какая прелесть, — шепнул Крампе, прищурившись.

Он сделал шаг вперед, и позади раздался судорожный женский вдох и тихое:

— Господи.

Кто бы там ни был, он прекрасно разглядел, что еще несколько секунд назад ухоженный симпатичный мужчина, которым и был Крампе, переходил дорогу, а потом... растворился во тьме, будто никогда и не было. И только сверкнули ярко-алым светом чьи-то глаза, как раскаленные угли под слоем пепла.

Физическая оболочка в таких делах только мешала. Шатта лучше догонять в подобном ему теневом облике, а не в простом и человеческом. Крампе почувствовал шероховатость кирпичной стены, ощутил, как от макушки до пяток охватило знакомое чувство скованности. Он передернул теневыми плечами, стараясь быстрее привыкнуть. Задержался что-то в человеческом облике, вот и весь букет ощущений.

Шатт юркнул за угол, видимо, надеясь, что его не заметят. Крампе скользнул за ним. Придерживаясь на отдаленном расстоянии, чтобы сначала понаблюдать и понять, что задумал слуга Теневого Короля.

Сквозь стену слышались голоса людей. Живые обитатели дома смеялись, говорили, перебивали друг друга. Гудело бежавшее по проводам электричество, потрескивали под злым октябрьским ветром старые деревянные рамы больших прямоугольных окон.

Дом нашептывал, что стоит здесь уже не одно десятилетие. Что неплохо бы подлатать

дверь в подвал да привести в порядок трубы. А еще в коридоре на втором этаже перегорели лампочки, и он плохо видит. Однако тут же торопливо пояснял, что ничего страшного, и он совсем не жалуется. А так... любит поговорить.

Крампе покачал теневой головой. Какой болтливый дом. Гамбургские, впрочем, тоже не прочь поболтать. Особенно перемыть косточки своим жильцам.

Шатт передвигался медленно, в свою очередь стараясь не спугнуть Софию. Интересно, видела ли она когда-нибудь слуг Теневого Короля, сотканных из ночных кошмаров и вещей снов? Отражали ли их когда-нибудь ее зеркала?

Впереди показалась София. Судя по тому, как она согнулась и обхватила себя руками за плечи, замерзла основательно.

Крампе цокнул языком, правда, звука не получилось. Ну-ну, девочка. Одеваться надо все же лучше, если решила встретиться поздним вечером с настойчивым мужчиной. Ну... или раздеваться, это смотря по обстоятельствам.

София обогнула трехэтажное здание, где, судя по всему, разместился банк, и спустилась к церкви, за которой находилась автобусная остановка.

Крампе поморщился. Этого еще не хватало! Как неудобно-то, все тут не как у людей. Ну и у прочих не менее приятных во всех отношениях личностей, которые к людям не имеют никакого отношения.

Шатту тоже не понравилось возникшее препятствие. Он замер и жалобно заскулил, кажется, всячески ругаясь на величественное белое здание с голубым куполом, увенчанным золотым крестом.

Крампе, недолго думая, метнулся через дорогу и замер тенью на столбе. Следом за Софией, шаг в шаг, не удастся пройти. Ну и ладно, ничего страшного, и не в таких ситуациях приходилось бывать.

Автобус подъехал к остановке, вышли несколько человек. София, на мгновение нахмурившись, посмотрела назад, словно что-то услышала. Интересно, куда умудрился спрятаться шатт? Ведь точно не поползет по церковной стенке, игра не стоит свеч.

София тем временем зашла в автобус. Крампе проводил взглядом отъехавший транспорт. Так даже лучше. Можно теперь потолковать по душам с шаттом. Тот, правда, не подозревал, что из охотника резко превратился в жертву. И если б не замешкался и успел юркнуть за жертвой, то вполне бы мог выиграть каких-то несколько минут.

Шатт скользнул на дорогу чернильным пятном, расползся громадным кракеном. Крампе в мгновение ока оказался рядом. Выбросил вмиг материализовавшуюся руку и сжал свою жертву. Шатт захрипел, извиваясь в стальной хватке. За пару секунд сменил несколько химерных обликов, от скалящейся мантикоры до зубастого вервольфа. Однако, как следует разглядев своего пленителя, замер.

Крампе наблюдал за происходящим с легкой ленцой и весьма слабым интересом. Пальцев не разжимал, только сильнее впивался выскользнувшими из плоти когтями в горло шатта.

Тот забулькал что-то невразумительное, глядя на Крампе расширившимися от ужаса глазами. Судорожно захрипел, бросив взгляд налево, туда, откуда неслась навстречу им машина.

Крампе даже не шелохнулся. Ни когда фары осветили его фигуру, ни когда машина пронеслась сквозь них обоих, не причинив ни малейшего вреда.

— Я сегодня не в настроении, — мрачно сообщил Крампе. — Поэтому советую говорить

быстро, четко и желательно без попыток увильнуть. Ты меня знаешь.

На последних словах его голос резко понизился, переходя в глухое рычание. Шатт сжался, в его теневых глазах плеснуло отчаяние, но он прекрасно понимал, что долго тянуть с ответом не получится.

— Да, господин, — наконец-то прошелестел он.

— Зачем ты преследуешь Софию?

Шатт, кажется, сглотнул. Во всяком случае, со стороны это выглядело именно так.

— Король... Мой король приказал. Нужно связать ее тень, чтобы он мог подчинить девчонку своей воле.

Крампе немного поморщился. Опять сюда лезет этот выскочка. Но просто так он ничего делать не будет. Значит, все не так просто. Интересно-интересно, просто замечательно.

Шатт, кажется, немного расслабился.

— Что он хочет сделать с девушкой?

Вопрос вроде простой, но тон вышел чересчур грозным. Поэтому шатт испуганно замотал головой:

— Я не знаю. Слугам такое не говорят, мы...

Он бормотал что-то еще. Крампе прищурился, сжал пальцы сильнее. Шатт захлебнулся жутким визгом. Действительно, говорит правду. Впрочем, Теневой Король умеет хранить свои тайны. Ясное дело, не будет ими делиться направо и налево. Логичный малый, этот Теневой Король. Хоть Крампе бы и с удовольствием погрыз его косточки в укромном уголке.

Под когтями мерзко чавкнуло. Крампе разжал пальцы, отпуская шатта. Тот растаял бесформенной тенью, как никогда и не было. Да уже и вправду не было. Врагов в живых оставлять не стоит. И слуг врагов тоже.

Он перешел на тротуар, вновь обретая человеческие очертания. Поправил ворот полупальто, сбросил с плеча невидимые пылинки. Посмотрел на окутанный тьмой ночи купол церкви. Криво усмехнулся и чуть склонил голову в шутовском поклоне. На мгновение в окне церкви зажегся огонек свечи и тут же погас. Крампе довольно ухмыльнулся и приложил руку к груди, словно бы молча благодаря за что-то.

А потом направился вверх по улице, мягко ступая по прелым осенним листьям, засыпавшим сухой асфальт. София доберется домой без приключений, шатт больше не потревожит ее покой. А пока есть еще одно не менее важное дело, с которым неплохо бы разобраться до наступления утра. Ибо все же есть шанс, что строптивая сестричка Стефана может дать свое согласие уже завтра.

Глава 2

Разговор с Городовым

Домой я пришла уставшая и замерзшая. В автобусе весьма ощутимо наступили на ногу, и даже извинение не особо спасло ситуацию. В общем, настроение отчаянно испорчено. А еще добрую часть дороги мне казалось, что за мной кто-то идет. Однако стоило обернуться, как глазам представала только пустая улица. Никого. Даже немного удивительно, потому что поздний вечер все же не ночь. Обычно люди все же ходили, а тут — пустота. И едва я продолжала путь, как странное чувство преследования появлялось вновь.

Оказавшись возле двери в родную квартиру, я нажала на звонок. Славка дома, так что откроет. Доставать замерзшими пальцами ключи из сумки совсем не хотелось. Но подруга, видимо, углубившись в изучение достопримечательностей Германии, открывать не спешила. Перед тем как щелкнул замок, я успела сосчитать все царапины на двери и отметить, что ручку пора поменять.

Славка выглянула, мигом оценила ситуацию и посторонилась, давая мне пройти внутрь. В коридоре пахло свежей выпечкой и корицей. Я положила сумку на полку и покосилась на Славку. С чего это она удумала пироги печь?

— Где цветы? — огорошила она меня вопросом, закрывая дверь.

А потом развернулась и уперла руки в боки, сдув упавшую на лицо черную прядь. Ярослава к красавицам не относится. Худенькая и стройненькая, с внимательными карими глазами и мелкими чертами лица. Женскими прелестями природа ее обделила, зато одарила пронизательным разумом, железобетонной целеустремленностью и уверенностью в себе. По идее с такой не слишком броской внешностью у нее должна была бы быть тьма комплексов, однако... ничего подобного.

Славка поморщилась и убрала за ухо выющуюся прядку.

— Или ты их забыла в ресторане?

Я сняла куртку и повесила ее на вешалку.

— Не было цветов. И ресторана тоже. Только деловая встреча.

Славка закатила глаза и пошла на кухню. Весь вид подруги говорил, что никакого толку в деле оболъщения и соблазнения представителей противоположного пола от меня и ждать не стоит. С чем я, кстати, совсем не согласна. Однако... частично все же признаю правоту Ярославы. Работа интересует меня куда больше мужчин.

Зайдя на кухню, я увидела румяный пирог, посыпанный сахарной пудрой, и кастрюльку с глинтвейном. Стоит только задуть ветрам, Славка важно объявляет себя ведьмой и начинает варить зелья, то бишь разные вкусности, от которых слюнки текут. А в этот раз добавился еще и пирог. Хорошо жить с подругой, которая готовит лучше тебя. Не то чтобы я это делаю плохо, но у Славки... однозначно талант.

— То есть вы серьезно, что ли, говорили о достопримечательностях Гамбурга? — уточнила подруга, усаживаясь за стол и утыкаясь взглядом в ноутбук. И тут же подняла руку, останавливая меня на полуслове: — Подожди, сейчас отправлю текст заказчику, и продолжим.

Я молча кивнула. Два копирайтера-фрилансера — это дуэт, который ставит заказчиков выше всего. Сначала работа над статьями, потом все остальное.

Тут уж, пожалуй, ведущую позицию занимаю я. Опыта в написании текстов на заказ

больше, а техническое образование дает возможность быстрее вникнуть в любую тематику. Славка, в принципе, тоже не жалуется, но на работу у нее уходит куда больше времени. Она пыталась спорить и доказывать, что просто глубже изучает предмет, но я прекрасно знаю, что это «глубже» заключается в «Ух ты, какое платье!» и зависании на сайтах, которые никакого отношения к работе не имеют.

Я успела переодеться в домашнюю одежду и даже проверить почту. Пока ничего нового, кажется, несколько часов до сна будут свободными. Мельком глянув в зеркало, висевшее на двери комнаты, уловила какое-то движение. Словно по гладкой поверхности, в которой отражалась часть коридора и мягкий желтый свет с кухни, пошла рябь.

Чуть нахмурившись, я подошла к зеркалу и внимательно посмотрела. Нет, ничего странного не отразилось. Все как всегда: и комната в полумраке, и свет от моего ноутбука и золотистые отблески от фигурок машущих лапкой японских котят, купленных в ближайшем супермаркете.

— Ура, отправила! — донесся голос Славки. — Где ты там? Иди сюда, сейчас рассказывать будешь!

— Сейчас, — отозвалась я и прикоснулась к холодной зеркальной поверхности.

В ушах тут же зазвенело: смесь смеха и хрустального звона. Голова пошла кругом, и все звуки, присущие реальному миру, остались где-то далеко-далеко.

— Приветствую вас, прекрасная София, — мягко прозвенело зеркало.

Перед глазами серебрился длинный коридор с мрачными стенами и идеально гладким полом. По такому можно, пожалуй, ходить только босиком. Я осторожно сделала шаг. Раз зеркало позвало к себе, значит, стоять нельзя. Иначе может обидеться.

Справа, прямо из черноты стены, появилась мраморно-белая рука, галантно подставив мне раскрытую ладонь.

— Прошу вас, прекрасная. Не откажите в милости.

Не раздумывая, я вложила свою руку в ладонь жителя зеркала и тут же почувствовала, как земля уходит из-под ног.

За спиной раздался голос Славки, но я толком ничего не расслышала. Во всем разберемся потом, когда вернусь назад, в нашу квартиру. А сейчас, раз меня позвали внутрь, надо набраться храбрости и... терпения.

В ушах неожиданно засвистел ветер. Я покачнулась, но тут же почувствовала, как мою талию обхватили чьи-то руки.

— Не бойтесь, прекрасная, не упадете.

В спину уперлось что-то холодное и немного шершавое.

«Кажется, стена... хотя на камень не похоже, — отметила я. — Или все-таки похоже?»

Впрочем, когда жители зеркал утягивают тебя в свой мир, то все ощущения становятся... другими. Так гладкое может показаться шероховатым, шероховатое мягким, а мягкое и вовсе пустотой. Обращение «прекрасная» меня забавляло, однако жители зеркал каждой зеркальнице дают определенное прозвище. И иначе называть не желают. Поэтому я искренне радовалась, что мне досталась «Прекрасная», а не что-нибудь вроде «Бледной Поганки».

Перед глазами вдруг резко появилась картинка: перекресток, светофоры, мчащиеся на приличной скорости машины. Свет фонарей рассеивал тьму осеннего позднего вечера. С правой стороны расположились скамейки и высокие деревья, с которых уже частично облетела листва.

Слева и напротив, если только перейти дорогу, расстился городской парк. Я попыталась глянуть вбок, чтобы сообразить, где нахожусь, и замерла на месте. Здание мореходной академии. С круглой крышей и козырьком, тяжелой деревянной дверью и чугунными якорями возле входа, выкрашенными в черный цвет. И я стою прямо на этом козырьке, а придерживают меня за талию вынырнувшие из стены руки. Такие же голубовато-серые, как выше упомянутая стена. Немного шершавые и прохладные. Ну, ребятки из Зеркаля, получите у меня. В таких местах мне бывать еще не приходилось!

Рядом кто-то рассмеялся звенящим смехом, словно ветер играл хрустальными трубочками и колокольчиками, заставляя их соприкасаться друг с другом. Я только вздохнула. Ясно, меня сюда привели не просто так. Но место-то крайне неудобное. Да и холод почти как настоящий.

Пока я размышляла о несправедливости Зеркаля, в поле зрения появился мужчина. А потом, спустя несколько секунд, к нему подошел другой. Один из них был не кем иным, как Гюнтером Крампе. Надо же, какая неожиданность. Второй... Я чуть нахмурилась. Светловолосый, высокий, в черном плаще до пят. Возле него какое-то крупное существо, размером с большую собаку. Только вот ее тело словно сделано из алебастра, странно неживое и неподвижное. Я присмотрелась. Нет, даже не собака. Уж больше льва напоминает, но, ясное дело, это все шутки Зеркаля. Где в Херсоне взять льва? Тут даже зоопарка нет, только зооуголок, но там живут бурые мишки, а никак не львы и тигры.

— Приветствую, Данила Александрович, — проговорил Гюнтер, и мне показалось, что в его хриловатый голос вплелся далекий звон битого стекла.

Зеркала, как могли, передавали их беседу. Не приходилось даже прислушиваться, а ведь на таком расстоянии особо ничего не расслышишь, даже если обладаешь очень острым слухом.

— И вам не хворать, герр Крампе, — ответил мужчина в плаще глубоким низким голосом, от которого у меня по спине пробежали мурашки. Вот уж и впрямь — страшно. Как будто говорит не живое существо, а...

Кто именно, я так додумать и не смогла, потому что Гюнтер сделал шаг влево и приложил ладонь к стене здания.

Повисла тишина, мужчины смотрели друг на друга, словно вели безмолвный диалог. Гюнтер наконец-то усмехнулся, ласково погладил стену.

— Ганскау? — спросил он.

Данила Александрович кивнул:

— Он самый, Яков Федорович. Он, конечно же.

Гюнтер довольно хмыкнул. Я не сразу поняла, почему для него так важно упоминание этого имени. Яков Ганскау, если память не подводит, был губернатором Херсона в девятнадцатом веке. И... Я чуть не хлопнула себя по лбу. Точно! Именно он построил мореходное училище в позапрошлом веке. При этом здание похоже на те, что тогда строили в Европе. А сам Ганскау был немцем. Да и отправлен сюда царицей Екатериной II, которая, кстати, была урожденной Ангальт-Цербстской, тоже немкой. Какое совпадение, однако.

— Вы по делу? — мягко уточнил Данила Александрович.

Его вопрос больше походил на утверждение. Весьма любопытная интонация. Поинтересовался вроде вежливо, но в то же время не дал возможности увильнуть от ответа.

Сильный порыв холодного ветра заставил поежиться. Ну же, давайте быстрее. А то, может, какую-то тайну я и узнаю, но паду к вашим ногам ледышкой.

— София Сокольская, — немного лениво сообщил Гюнтер и посмотрел на Данилу Александровича. — Зеркальщица. Мне нужно разрешение увезти ее в Германию.

Я нахмурилась. Вообще-то о перемещениях зеркальщиков принято говорить с Главами зеркальщиков города. Тут же... этот блондин в черном плаще мне совершенно не знаком. Наш Глава, Сергей Леонидович, мужчина в возрасте и приятный во всех отношениях. Хороший дедушка, недурственный поэт и сильный зеркальщик. При этом ведет себя на удивление не пафосно и без раздражающей надменности.

Но кто это?

Данила Александрович ничего не ответил. Немного повернул голову и резко посмотрел прямо на меня. Внутри все сжалось от невероятного холода, как если бы руки, удерживавшие меня за талию, вдруг оказались внутри моего тела и сжали желудок и сердце. Миг — ничего не происходило, даже показалось, что октябрьский ветер стих. Я смотрела в лицо Данилы Александровича и понимала, что вижу... свое собственное, отраженное в зеркальной маске. При этом в свете фонаря в его левом ухе блеснула серьга в виде якоря.

«Снова проделки жителей Зеркалья, — поняла я, судорожно выдыхая. — Определенно у него есть лицо, просто по какой-то причине я сейчас его не должна видеть».

Зеркальная маска задрожала, как гладь прозрачного озера под порывом нахлынувшего ветра. Мне удалось разглядеть, как в ухмылке искривились губы мужчины, узкие и бледные. И в то же время прекрасно поняла, что при желании можно рассмотреть его полностью. Другой вопрос, что Данила Александрович снова посмотрел на Крампе, будто давая мне понять, что увидела достаточно.

— Зная вас, герр Крампе, — подал он голос, — полагаю, что дело рискованное. София — сильная зеркальщица, она находится под моей защитой.

Гюнтер закатил глаза, словно ему бесконечно скучно это все слушать.

— Угу. Под вашей защитой весь город, уважаемый. Впрочем, для Городового это в порядке вещей.

Городовой? Я чуть не оступилась на узком козырьке. Обалдеть. Хозяин города, покровитель всего живого и неживого, находящегося на территории Херсона. Он — душа, он — сердце, он — все. Городовой. Он не всемогущ, но может очень многое и знает судьбу каждого горожанина.

Я даже позабыла, где нахожусь. От осознания такой невероятной вещи мысли путались. И пусть я сама далеко не обычный человек, но Городовой... Это как легенда, вдруг ожившая у тебя на глазах и улыбнувшаяся тебе... узкими и бледными губами.

— Кстати, как ваш Сергей Леонидович? — неожиданно спросил Гюнтер. — Совсем прихворал?

Алебастровый лев сел возле Городового и угрожающе зарычал. Не слишком громко, но убедительно. Гюнтер бросил на него короткий взгляд. Карие глаза вспыхнули красным. Я невольно охнула.

— Есть немного, — спокойно согласился Городовой (теперь только Городовой, по имени-отчеству его назвать язык не поворачивался). — Да и не его это вопрос. Смотрите, герр Крампе, чтобы дело не обернулось международным скандалом. Я прекрасно вижу зеркальную связь Софии, которая уходит очень далеко, но...

«Зная вас». Почему-то показалось, что он хочет сказать именно эти слова. Я поерзала спиной о стену, руки и ноги начали затекать. Еще так немного постою и упаду вниз, прямо в объятия обоих. И тут же снова жадно вгляделась в мужчин. Кто такой этот Гюнтер Крампе,

если меня сам Городовой предупреждает? Что не просто богатый иностранец, связанный с зеркальщиками, и так ясно. Но дальше-то что?

Гюнтер улыбнулся так, словно услышал изысканный комплимент:

— Польщен, Данила Александрович. Хоть это и не в моих правилах, даю слово, что с ней ничего не случится. Ну да ладно, если не верите мне, спросите Клауса Крампе.

Я не видела лица Городового, однако, кажется, упоминание этого имени возымело должный эффект.

Правда, последовавший комментарий был слишком скудным:

— Ну-ну. Посмотрим.

Гюнтер чуть склонил голову, как бы говоря: что вы, как можно?

Мне захотелось рассмеяться, до того потешно выглядела выходка Гюнтера. Правда, тут же потеряла это желание, так как он резко поднял голову и чуть сощурился. Я затаила дыхание: неужели понял, что меня повели сюда из Зеркалья?

— Данила Александрович, вы любите, когда втроем? — неожиданно спросил Крампе.

Я поперхнулась. Это он о чем сейчас?

— Непременно. Троица, знаете ли, одобрена во многих религиях мира. Особенно если речь идет о святых.

Громко и противно засигналила машина. Городовой резко вскинул руку, пространство вокруг вздрогнуло, донесся скрип тормозов. Медлительный пешеход, едва не попавший под колеса, почти бегом кинулся к тротуару. Водитель ругнулся нецензурным оборотом и поехал дальше. Ух ты. Пешеход прошел мимо Городового, словно того и не было. Ну да, все верно. Он никогда и не догадается, кому обязан жизнью.

— Спасибо, мне и одного выше крыши, — поморщился Гюнтер. — А с вашей троицей разбирайтесь сами.

Городовой тихо рассмеялся. А смех-то приятный. Я тут же одернула себя. Этого еще не хватало! Никаких восторгов Городовым, выходящих за рамки уважения и восхищения его силой и способностями по части управления городом.

— Если София согласится, действуйте, герр Крампе, — резко посерьезнел он. — Мое согласие у вас есть. Но вы знаете, на каких условиях.

Гюнтер не менее серьезно кивнул:

— Благодарю.

Вышло сухо и коротко, но я вдруг поняла, что большего и не надо. Они друг друга поняли. Алебастровый лев удовлетворенно рыкнул и поднялся на лапы. Посмотрел на Городового, будто задавая немой вопрос. Тот положил руку на его голову, зарываясь пальцами в белую гриву. От Гюнтера уже и след простыл.

«Я на тебя рассчитываю, — вдруг прозвучал в голове низкий глубокий голос Городового. — Не подведи меня».

Я шумно выдохнула, чувствуя, как карниз под ногами тает, а перед глазами вновь появляется зеркало на двери в нашей квартире.

Славка выскочила с кухни, оценив обстановку, сложила руки на груди и вопросительно на меня посмотрела. Будучи мне подругой столько лет, она прекрасно знала о моем даре, как и то, что путешествие по Зеркалью — вещь коварная. Обычно когда прыгаешь туда из реальности, то здесь время останавливается. В настоящем и отзеркаленном мире время стоит. В потустороннем и зеркальном — движется. При этом по одному ему понятным законам.

— Что у нас нового? — поинтересовалась она. — Ни на секунду тебя нельзя оставить.

— Вот и не оставляла бы, — буркнула я, направляясь на кухню.

Славка только фыркнула и последовала за мной. Я быстро пересказала ей увиденное. Подруга задумалась, анализируя информацию. При этом, правда, весьма бодро расправляясь с пирогом. Мне же после ужина с Гюнтером есть уже не хотелось. Поэтому только и оставалось, что сжимать ладонями кружку с горячим глинтвейном и бездумно смотреть в окно.

— Какая-то глупость, — наконец-то подала голос Славка. — Про Городового, допустим, мы слышали. Даже если он и замешан, то зачем ему простая зеркальщица?

Я пожала плечами:

— Не знаю. Все похоже на какую-то комедию.

— Только печальную. И даже если... — Она замолчала. — Ты что, в Германию намылилась?

Я сделала вид, что увлечена разглядыванием глинтвейна. Глубоко вдохнув, снова не осмелилась ничего сказать. Знаю, со стороны все выглядит невероятно глупо. Куда ехать-то? Загранпаспорта нет, за рубежом бывать не приходилось. На английском языке худо-бедно изъяснюсь, а вот по-немецки... Кое-что знаю, но этого слишком мало, чтобы вести полноценный диалог.

В квартиру неожиданно позвонили. Мы со Славкой встrepенулись и переглянулись.

— Ты кого-то ждешь?

Подруга замотала головой. Странно. Я вроде как тоже никого не зазывала. Не люблю визиты чужих на ночь глядя, а своих... а свои в такое время по гостям не ходят.

Звонок повторился.

Я решила, что надо хотя бы посмотреть: вдруг соседка снизу? Она порой может прибежать за сахаром. Но, увидев в глазок нежданного гостя, я настолько озадачилась, что открыла сразу. При этом только отметив, что все действия как-то пролетели мимо моего сознания.

Славка тут же появилась в коридоре. Хотела, видимо, что-то спросить, но, завидев вошедшего, потеряла дар речи.

Гюнтер же как ни в чем не бывало, будто захаживал к нам постоянно, вежливо поздоровался и невинно улыбнулся.

— Как вы меня нашли? — спросила я, защелкивая замок. — И как...

— ...я тут оказался, — продолжил Гюнтер. — Поверьте, София, это было не так сложно. Простите за такую бесцеремонность, но обстоятельства изменились.

Я бросила на Славку быстрый взгляд и нахмурилась. Вступление мне совсем не понравилось.

— То есть?

— Только что я получил сообщение, что у вашего брата серьезные проблемы. Темная сторона Зеркаля нестабильна. В любой момент может приключиться нечто, что сведет его с ума.

— Нечто — это что? — встряла Славка.

Кажется, она успела рассмотреть Гюнтера с ног до головы и как следует оценить. Судя по всему, оценка была удовлетворительной, так как Славка решила вступить с ним в разговор.

Гюнтер мельком глянул на мою подругу и снова на меня.

— Это спросите у Софии. Что бывает, когда невозможно управлять собственной силой, но надо сдерживать агрессивные сущности, рвущиеся из Зеркалья.

Я поморщилась. Слава богу, мне не приходилось вляпываться в столь глубокие лужи. Почти все встреченные мною сущности были достаточно дружелюбны. Имелись, конечно, и другие, но я успевала вернуться в реальность, оставив их ни с чем. О настоящей мощи, которая может уничтожить живого человека, я только слышала от других зеркальщиков. Знала одного, который погиб, впад в кому и не выйдя из нее. Тогда Сергей Леонидович сказал, что его душа осталась в Зеркалье и не нашла выхода назад. Так случалось нечасто, и насколько я помню, покойный был неслабым зеркальщиком и постоять за себя мог. Но... никто не застрахован от случайностей.

— К тому же, — мягко начал Гюнтер, — вы же в курсе, да? Одобрение получено.

На мгновение карие глаза приобрели темно-красный оттенок. И воздух между нами будто превратился в горячий степной ветер. Я сделала глубокий вдох, приводя мысли в порядок. Значит, он прекрасно понял, что я слышала их разговор. Назад пути нет. И пусть мне предоставляют право выбора, но... мерзавцы! Прекрасно же знают, что я не пойду на сделку со своей совестью и не оставлю зеркальщика в беде. А если учесть, что он носит частичку нашего расколотого дара, то тем более.

— На сколько надо ехать? — спросила я.

Гюнтер чуть прищурился, словно пытаясь что-то разглядеть во мне, а потом кивнул и ответил:

— На две недели. Надеюсь.

— Радует, — скупобронно я. — Документы, жилье, транспорт — все за вами.

Он хмыкнул:

— Чудно, договорились. Другого я и не ждал от сестры Главы Зеркальщиков.

— И еще, — добавила я, глядя прямо ему в глаза. — Условие.

— Да? — с интересом изогнул бровь Гюнтер.

Кажется, его уже взял азарт и стало чрезвычайно любопытно: что еще запросит неутомная девица?

— Она, — я ткнула пальцем в сторону Славки, — едет с нами.

Глава 3

Гамбург

Последующие три дня пронеслись как во сне. Документы сделали в рекордные сроки. Честно говоря, я не сомневалась, что там не обошлось без штучек Гюнтера. Да и вообще не удивлюсь, если он умеет управлять сознанием и влиять на людей. Настоящий облик не разглядеть, а в зеркале отражался обычный человек. Поэтому трудновато определить, к какому виду относится уважаемый герр Крампе.

Славка поначалу чуть не покрутила пальцем у виска, услышав мое условие, поставленное Гюнтеру. Однако это было секундное недоумение, потому что ехать одна я никуда не собиралась, даже если вдруг случится конец света.

Гюнтер, что самое интересное, не возражал. У меня даже возникло странное ощущение, что Славка ему чем-то понравилась. И куда больше меня. Ну да ладно, меня это не особо трогает.

В суматохе пришлось срочно говорить с начальством и пояснять, что работу буду сдавать вовремя и в срок, но на две недели уеду из страны. Потом дозвониться до родителей, сейчас живших под Киевом, и рассказать о сложившейся ситуации. Сразу отпускать не хотели, но вынуждены были согласиться. Когда дар зеркальщика не тайна, то и поддержка куда сильнее. Я даже представить не могла, как живут люди, которые вынуждены скрывать дар от близких. Это же рехнуться можно!

Славка каким-то чудом за предельно короткий срок собрала необходимые вещи. Поэтому когда, все выключив, проверив и оставив соседке ключи от квартиры на всякий случай, мы вышли из подъезда, Гюнтер подъехал на такси. Одобрительно кивнул и помог уместить сумки в багаж. Добираться до аэропорта нужно было почти через весь город. Но заскучать я не успела. Едва захлопнулась дверца машины, как мне в руки всунули фотографию.

— Скоро налюбуетесь вживую, конечно. Но лучше быть предупрежденной.

Я опустила взгляд на фотографию. Славка склонилась ко мне и присвистнула.

За окном проносился серый херсонский день, пестрели ярко-желтым ковром опавшие листья. Ветер качал деревья, а вороны громко и возмущенно каркали, словно выражая недовольство погодой.

Но мне сейчас не до пейзажа.

Он действительно похож на меня.

В чертах лица — ни капли мягкости. Крупные, грубоватые и правильные, как скульптура под резцом порывистого и талантливого скульптора. Высокий лоб, темно-серые глаза, которые посажены несколько глубоко, отчего возникает странное ощущение, будто он крайне недоволен чем-то увиденным. Прямой крупный нос, достаточно резкие скулы. Но вот губы почти красивые: наверное, целуется весьма недурно.

Да уж. Ну и мысли. Это все дурное влияние Славки. Она редко когда рассматривает мужчин исключительно как друзей. Даже если не думает с ними заводить никаких отношений.

Волосы Стефана, вероятно, длиной до плеч. Может, покороче. Голова повернута так, что можно немного рассмотреть длинные пряди, выбившиеся из хвоста. Волосы убраны назад, такие же белые, как и у меня.

Он сидит и смотрит прямо в камеру. Уперся локтями о колени и сцепил пальцы в замок. Рукава тонкого темно-синего свитера закатаны до локтей, открывая витиеватые татуировки, покрывающие предплечья Стефана до запястий. Ну и ну. Он что, проиграл пари тату-мастеру? Вид больше устрашающий, чем привлекательный. Правда, судя по весьма наглой и одновременно безразличной физиономии братца по дару, его это совершенно не волновало.

Однако это все не так значительно. В конце концов, он взрослый человек. Явно старше меня. На сколько лет — надо узнать у Гюнтера. Но думаю, что около тридцати Стефану будет. Как-то разберемся, склеим дар и...

— Эй, ты чего? — шепнула Славка, мельком глянув на сидевшего впереди Гюнтера.

— Да вот, — неопределенно ответила я, не зная, как бы высказаться поделикатнее.

Гюнтер, зараза, словно почувствовал, что говорить при нем не хотят, и... как специально повернулся к нам. Мягко забрал у меня фото и сочувственно покивал. На мгновение показалось, что он прекрасно видит мои мысли. И... откровенно веселится.

От Славки не укрылось, как мы смотрели друг на друга. Ни капли не смущаясь, она резко протянула руку и сказала:

— Дайте, пожалуйста, еще раз взглянуть.

Гюнтер не возражал. С умным видом подруга принялась изучать лицо Стефана.

— Сколько ему лет? — спросила она.

— Тридцать, — отозвался Гюнтер.

Вот как. Угадала. В целом выглядит годно, но явно не мой типаж. Поэтому хорошо, что только брат по дару. Я тут же одернула себя. Что-то чем ближе мы к аэропорту, тем о больших глупостях я начинаю думать. Надо собраться. Оставшаяся часть дороги прошла в тишине. Славка порой с беспокойством поглядывала на меня, но молчала, прекрасно понимая, что сейчас задавать никаких вопросов не стоит. Все потом.

Настроение резко ухудшилось. Закралась мысль, что я совершаю огромную ошибку. И еще не поздно повернуть назад.

Я подняла голову и посмотрела в серое небо.

Ну нет. В трусости меня точно не обвинят. Коль взялся за ручку зеркала, то и не бойся посмотреть в глаза отражению. Разберусь. И не буду заикливаться на том, что после внимательного изучения фотографии я четко осознала одно: мира между мной и Стефаном точно не будет.

* * *

Гамбург встретил нас осенью. Холодной, свежей, завораживающей. Степенно текущей прохладой под мостами Эльбы, величественностью старых зданий и мокрым асфальтом. Дождя не было, но, видимо, не так давно капли задорно стучали по крышам и тротуарам, разгоняя горожан под навесы и укрытия.

Я молча смотрела по сторонам. Пока толком ничего не осознавала. Город замер прекрасной картинкой: нереальной, страшно невероятной. Здесь особенные запахи, звуки и дыхание ветра, заставляющее плотнее кутаться в куртку. Но странным было не это. Не исчезало какое-то непонятное чувство, что здесь мне... все знакомо. А ведь когда идешь по хорошо изученному месту, то не рассматриваешь его как турист. Поэтому и сейчас я смотрела на все с искренним непониманием. Вроде чужое и красивое, рассматривай — не хочу. А в

итоге стоишь, уставившись в одну точку, и словно через стекло воспринимаешь действительно. Все какое-то мое-чужое. Сразу два в одном. А так — не бывает.

Гюнтер покосился на меня.

— Что-то не так?

Нет, все так. Просто внезапно я за километры от родного дома должна увидеть человека, который мне уже не понравился, и... не могу здесь погулять, как обычная туристка. Это, конечно, серьезные причины для самого даже маломальского «не так». Но... согласилась я тоже сама. Поэтому никаких капризов. Улыбаемся и машем.

— Мне кажется, что когда-то я все это видела. — Я обвела рукой часть улицы. — Странно, сама понимаю.

Славка чуть нахмурилась, слушая наш разговор. Однако Гюнтер ни капли не удивился.

— Это нормально, — как ни в чем не бывало сказал он. — Вы здесь переняли знания Стефана. Разумеется, только частично и только его восприятие, но это не мешает смотреть с чувством узнавания на вещи, которые ваш брат видел с рождения. Думаю, окажись он у вас в Херсоне, ощущал бы все то же самое.

Такой поворот дел меня несколько озадачил. Но прозвучало это достаточно... убедительно? Пожалуй, да.

— Нам далеко? — нарушила повисшую тишину Славка. — Ну, в смысле до гостиницы, где нас поселят?

Я наострила уши. Кажется, кто-то основательно замерз в своем бордовом пальто и кокетливой шляпке. И теперь отчаянно хочет в тепло. Еще и высокие сапоги на внушительных каблуках. А я говорила: «Зачем так наряжаешься?» На что получала весьма краткий и доходчивый ответ: «А чтобы было красиво!»

Красиво-то оно красиво, не спорю. Но люто неудобно. Мне-то в моих ботинках и джинсах куда сподручнее. Да и прохожие не так обращают внимание. В конце концов, я приехала по делу, а не на показ мод.

— Вы будете жить в доме Стефана, — невозмутимо сообщил Гюнтер. — Кажется, вы меня не совсем правильно поняли, когда речь шла о жилье. О гостинице речи не шло.

Мы со Славкой переглянулись. По-моему, обеим надо срочно лечить слух.

— И так меньше хлопот, — тем временем продолжил Гюнтер.

— А... — начала я, не зная, как сформулировать.

— Он любит гостей.

При этом в тоне уважаемого герра Крампе удалось уловить нотку какого-то затаенного злорадства. Решив, что просто показалось, я грустно посмотрела на протекавшие под мостом воды Эльбы. Да уж, явно будет весело. Я вот, например, гостей не люблю. Особенно незваных. Только самых дорогих и близких людей. Если мы и тут похожи, то... будет беда.

Возле нас неожиданно притормозила машина. Такой белый пафосный кабриолет. Автомобиль для тех, кто хочет показать себя и основательно привлечь взгляды других. И все. Во всяком случае, на мой пуританско-практический взгляд.

Гюнтер остановился. Его лицо обрело весьма мрачное выражение. Кажется, он знает подъехавшего и не горит желанием с ним общаться. Славка приподняла левую бровь, чуть улыбнулась, словно то, что она видит, доставляло удовольствие. Ну да, кажется, сейчас развернется любопытный спектакль. Хотя, признаться честно, смотреть на Эльбу мне куда милее.

Из кабриолета вышел стройный молодой человек. Ключевое слово: молодой. В бежевой

куртке и брюках, в дорогих полуботинках с чуть вытянутыми мысками. Одет явно не дешево, но в то же время неброско. Я, по правде говоря, уже ожидала леопардовой шубы и малинового боа. После такой-то машины.

По-моему, ему от силы лет двадцать пять. Нежные черты красивого лица, очень светлые глаза. Наверное, тоже серые, ни капельки голубизны или зелени. Волосы не назвать длинными, но и на короткую стрижку не тянет. Такого необычного цвета, почти белые, как у альбиноса. И то ли свет так падает, то ли еще что, но порой кажется, что глаза — живое серебро.

Он приблизился к нам. Я уловила запах свежести зимнего дня и хвои. Вообще странным образом показалось, что вдруг очутилась где-то на украшенной гирляндами улице посреди разгара празднования Нового года и Рождества.

— Здравствуйте, — поприветствовал он приятным тенором. — Почему вы мне не сообщили, что приехали?

Гюнтер явно не в восторге от того, что нас так встретили. Однако молодой человек это недовольство откровенно игнорировал. В какой-то момент я себя поймала на том, что с интересом разглядываю его лицо. Хм, ничего не понимаю. Ни единой морщинки, ни единой складочки, а ощущение, что старик передо мной. И в то же время не старик.

Я мотнула головой, злясь на себя саму. Это все перелет. Крыша решила, что она еще в облаках, и не торопится прикрывать мои бедные мозги.

Парень явно заметил мой интерес.

— Познакомьтесь, это Клаус Кениг. Второй советник Стефана, — словно нехотя сказал Гюнтер. — Клаус, эти очаровательные дамы София Сокольская и...

— Ярослава Келых, — представилась подруга, протягивая руку Клаусу.

Гюнтер хмыкнул. Кажется, Славкина активность ему весьма импонировала, в отличие от моей сдержанности.

Клаус улыбнулся и пожал ее руку. Потом повернулся ко мне. Его ладонь оказалась сухой и неожиданной сильной. Точнее, я не ожидала, что он будет совсем хлюпиком, но... все же при таком телосложении послабее.

Клаус снова улыбнулся. И... я не смогла не ответить ему тем же. При всей видимой холодности и невозмутимости вдруг показалось, что с этим человеком не бывает никаких проблем. Даже больше. На подсознательном уровне он мне понравился. Не как мужчина, а как человек.

В тот же момент я услышала нежный мелодичный звон. Ой, точно! Зеркала заднего вида на его кабриолете. Смеются и одобряют, маленькие проказники.

Ну так... ничего удивительного.

Кажется, надо сказать что-то вроде: «очень приятно познакомиться». Однако перед глазами вдруг все зарябило, и меня, словно по чьей-то неведомой воле, потянуло прямо к кабриолету.

Сдавленно охнув, я оказалась возле машины и протянула руку к зеркалу, чтобы коснуться его. Гладкая твердая поверхность обожгла кончики пальцев холодом и прогнулась, будто от одного моего касания могла образоваться дыра.

В ушах засвистел ветер, а голова немного закружилась.

— София, стой! — громко крикнул кто-то из мужчин, кажется, наш новый знакомый.

Только это стало уже неважно. На мгновение все звуки пропали, по глазам болезненно ударила тьма. И, отчаянно охнув, я полетела куда-то вперед, утягиваемая невидимыми

руками жителей Зеркалья.

Позади еще что-то крикнули, но я не разобрала.

Полет длился целую вечность. Всегда, когда находишься между реальностью и миром Зеркалья, есть странное чувство, что теряешь сразу все ощущения. Чем дальше ты находишься в таком месте, тем хуже себя чувствуешь.

Сковавшие тело путы неслышно лопнули, и я плашмя рухнула вниз. Щеку и шею тут же закололо.

Ойкнув и тихонечко ругнувшись, я медленно приняла сидячее положение и потерла щеку. Так, куда это меня притащили? Повертев головой, поняла, что местность совсем незнакомая. Так еще и темнотища вокруг. Только светит с синего неба луна, сказочная такая, как у Гоголя в сказке про рождественскую ночь.

Я провела рукой по земле. Хм, тут что, недавно дождь прошел? Да и земля такая... настоящая. По-моему, меня угораздило оказаться среди поля. Медленно поднявшись на ноги и по возможности обтрушивая руки, я осмотрелась еще разок. Да уж. Угораздило так угораздило. И впрямь поле. При этом урожай не убран: то ли пшеница, то ли рожь стоят чуть не в пояс.

Это мне повезло просто, что попала на относительно вытоптаный участок. Я, не осознавая, что делаю, провела ладонью по верхушкам колосков. Колется. И немного щекотно. Запоздалый ужас окатил этак через полминуты. Мамочки, как через это все проходить только?

Это только в фильмах показывают, как она бежит по полю, он бежит за ней, а потом они страстно занимаются любовью среди всего этого богатства. Непременно обнаженные. И как потом ни капельки не исколотые и не оцарапанные счастливо бегут дальше.

Справа раскинулся черный лес. Слева — горизонт до неба. Хотя, пожалуй, если присмотреться, то можно разглядеть огоньки. Вероятно, дома фермеров. Но... не стоит на это рассчитывать. Это Зеркалье. Пусть оно и старается повторять реальную жизнь, здесь на каждом шагу могут быть нестыковки. А учитывая, что попала я сюда спонтанно, да еще и на чужой территории... хорошего лучше не ждать.

Со стороны леса вдруг раздался улюлюкающий хохот. У меня заледенела кровь в жилах. Это еще что такое? Совсем рядом, в нескольких шагах, на уровне ног что-то зашелестело.

«Сова и полевки», — попыталась успокоить я себя.

Хохот повторился, в него вплелись ухающие интонации. Ну точно сова... Только какая-то странная.

— Что-то потеряли, фройляйн? — прозвучал совсем рядом хриплый поскрипывающий голос.

Я вздрогнула от неожиданности и обернулась. В нескольких шагах от меня стоял невысокий щупленький мужичонка. В сюртучке и штанах, в шляпе набекрень с порванными полями, будто этой шляпой играла его собака. При свете луны видно немного, но кое-что разглядеть все же можно.

И к тому же мои обострившиеся в Зеркалье чувства помогают разглядеть кое-что получше, чем может обычный человек.

Мужичонка поднял голову и посмотрел мне в глаза. Стало не по себе. Кожа у него темная и сморщенная, словно кора дерева. А глаза горят так ярко, что впору вспомнить о колдовских огнях фейри, выходящих из холмов. Зеленых, ярких, кружащих голову. И плевать, что фейри живут не здесь... хотя кто его знает?

О собаке я подумала не так просто. Потому что в руках у мужичонки был поводок. Кто-то будто сотканный из тени сидел возле его ног. Поводок тянулся к серебристому ошейнику, обхватывающему шею сидевшего.

Присмотревшись, я едва не вскрикнула. Это был человек. Точнее, человеческая душа, заплутавшая в Зеркалье.

Судорожно соображая, что делать и как бы освободить беднягу — ведь, скорее всего, мой соратник, — я поняла: молчание затянулось. Поэтому, прокашлявшись, подала голос:

— Да нет. Заблудилась немного.

А что? Почти правда. Еще бы понять, за каким чертом меня сюда притащили. Тень в ногах мужичонки жалобно заскулила. Ан нет, кажется, понятно, чего я тут. Надо спасти товарища.

Впрочем, тот не обратил внимания:

— Очень интересно. Идете издалека?

Голос такой, что продирает по нервам, хочется поскорее куда-нибудь спрятаться. Хотя бы среди этой бесконечной пшеницы. Только зеленые глаза смотрят так, что и не шелохнешься.

Я сжала кулаки, чувствуя, как ногти удлиняются и впиваются острыми краями в ладони. Если дождусь момента и смогу поближе подойти, то перерезать теневой поводок не составит труда. Правда, как это сделать — пока неясно.

Тень посмотрела на меня. Несчастными, отчаянными глазами, с такой мольбой, что сердце болезненно сжалось. Я не подала виду, чтоб, не приведи господь, его пленитель не подумал, что я рассчитываю освободить его добычу.

— Вы бы не гуляли, фройляйн, без нужды, — проскрипел мужичонка и поправил шляпу. — А то всякое может случиться.

По коже пробежал мороз от скрытой угрозы в его голосе. И до меня дошло еще вот что. Фройляйн. Если не ошибаюсь, в Германии это обращение устарело. Я понимаю, что Зеркалье, но все равно тут что-то не так.

— Действительно, — сказала я, уже решаясь сделать шаг вперед, чтобы наклониться и чиркнуть по поводку. — Вы пра...

Мужичонка вдруг оскалился. Внизу послышался треск. Я быстро опустила взгляд и с ужасом увидела, что кожа его ботинка прорывается, будто вместо пальцев складные ножи, которые сейчас решили выскочить на волю. Ножи... да и впрямь они. Только какие-то загнутые, напоминают больше серпы.

Со стороны леса кто-то залиvisto расхохотался. За спиной моего собеседника выросла какая-то громадина, и не разобрать, кто это. Сердце застучало, как сумасшедшее. Тень снова жалобно заскулила.

— Бегите, фройляйн, — лениво уронил мужичонка, не отводя от меня горящего взора. — Бегите.

И тут я поняла, что не стоит стоять столбом. Резко наклонилась, чиркнула вспыхнувшими серебром ногтями по поводку, а потом что было силы припустила прочь.

Вдогонку послышались сдавленные звуки и рассерженное шипение. Я мчалась вперед, и это было непросто. Стебли пшеницы не хотели приминаться, наоборот — восставали на дороге, не давая сделать ни шагу. Иногда приходилось их перепрыгивать. Хохот не затихал. Все б сделала, чтобы эта зараза заткнулась. Но пока даже не знала, кто это и как себя вести. Кое-что я, конечно, могла. Но проклятая чужая территория! Вдруг здесь другие правила?

В ужасе понимая, что вряд ли смогу обогнать преследователя, я тем не менее не сбавляла скорости. Только думать на бегу — занятие не слишком продуктивное. Кончики пальцев онемели: долго удерживать зеркальную обертку нелегко, так можно и в ледышку превратиться. И на ногтях эта зараза оставаться не хочет, все ее тянет к живой плоти. А тут еще и бег с препятствиями.

Я обернулась. Мужичонка несся за мной на огромной скорости, стебли пшеницы падали перед ним как подкошенные. Ну да, не зря у него серпы вместо пальцев. Тени на поводке нигде не было. Громадина тоже исчезла.

Сморщенное лицо мужичка исказилось в жуткой гримасе.

— Не гуляйте ночью, фройляйн. Это...

Он разинул рот, словно хотел проглотить меня целиком. Я выставила руки ладонями вперед, серебро с ногтей перебралось полностью на кисть. Сверкнуло зеркальное рваное полотно, отражаемое со всех сторон невидимыми углами Зеркаля.

Мой преследователь завыл и рухнул на землю. Он хотел тут же встать, но по полю вдруг пронесся зеркальный импульс такой силы, что покрыл всю площадь до леса. Я не удержалась на ногах и шлепнулась на пятую точку.

Ночное небо вздрогнуло, мерзкий хохот умолк и тут же обернулся испуганным насмерть писком. Я замерла на месте, не зная, что делать. Кто это расшвыривается горгоньими приемами?

То есть... я сама их применила, когда преследователь упал на землю. Но здесь они усилены в несколько раз. Простому зеркальщику такое не под силу.

Раздался шорох. Кто-то тяжело ступал на примятые колосья. Очень тяжело и медленно. Будто увидел меня давно, но пока так и не решил, что со мной сделать.

Ладони неожиданно взмокли, я снова сжала кулаки, приготовившись сделать еще один не менее впечатляющий горгоний жест.

Он появился из тьмы, как луна скрылась за тучами, отказавшись освещать безобразие, происходившее на поле. Подошедший остановился от меня в нескольких шагах. Я почувствовала себя неудобно. Явно же разглядывает, как обезьянку в цирке. И, кажется, засмеяться и подразнить ему хочется куда больше, чем угостить бананом.

— М-да уж, — произнес этот кто-то. — Я его убью.

Минута тишины, а потом меня резко ухватили за плечо и поставили на ноги.

Я успела только взвизгнуть и приготовилась высказать нахалу все, что думаю, однако тут рассмотрела его лицо.

Глава 4

Душа на поводке

Крампе подозревал, что будут неприятности, но что прямо так сразу — нет. Стоило Софии исчезнуть в зеркале, как ее неугомонная подруга вскрикнула и почти кинулась за ней. Правда, только почти. Крампе успел коснуться руки Ярославы и еле слышно шепнуть:

— Спи.

Девушка замерла с широко раскрытыми глазами. Со стороны могло показаться, что она увлеченно разглядывает цветочный магазинчик через дорогу — только и всего. Пришлось на всякий случай подхватить под руку, придав себе и ей вид беззаботной парочки.

Клаус посмотрел на него с укоризной.

— Вот только не надо сейчас меня учить, — скучающим тоном попросил Крампе. — Знаешь ли, у меня был отпуск.

В серебристо-серых глазах Клауса не отразилось и намека на смущение. Вообще было ощущение, что он смотрит сквозь Крампе и стоявшую рядом Ярославу куда-то в пасмурную даль.

— Помоги ей, — холодно уронил Клаус.

Крампе и бровью не повел. Светлая сторона души — это, конечно, очень возвышенно и прекрасно. Но не тогда, когда ты нечисть. В данном случае морализаторство и вид Кенига, воплощавшего святую невинность и укоризну в одном лице, неслабо действовали на нервы. И хоть Крампе прекрасно понимал, что одному работать скучно, но святой в напарниках — мама дорогая. Поэтому и ответ получился следующий:

— Нет. Скорее всего, там Стефан. Он сестрицу и притянул. Поэтому не будем мешать, пусть сами разбираются. Да и пора ей входить в курс дела.

Клаус помрачнел, услышанное ему однозначно не понравилось. Однако он не мог не признать: в словах Крампе есть истина. Да еще какая.

Перемена климата теперь ощущалась куда острее. И пусть дома было куда уютнее и привычнее, Крампе осознал, что не отказался бы, чтобы из-за туч вышло яркое южное солнышко и брызнуло солнечными лучами на дома и каналы.

— Куда дальше? — тихо поинтересовался Клаус и посмотрел на Ярославу. На замершую живой статуей девушку ему, кажется, смотреть куда интереснее, чем на собеседника.

От Крампе не укрылось, как несносный напарник не отводит взгляда от ее темно-бордовых губ, нежной щеки, аккуратного ушка, в мочке которого продета серьга в виде спелой вишни.

Ярослава совсем не похожа на Софию: ни внешне, ни характером. Это, кстати, было одной из причин, по которой он согласился взять с собой еще одну девицу. София хоть мало знает, но, если судить по Стефану, да и по ней самой, — девка рассудительная. А эта... в общем, скучно не будет.

— Не засматривайся так, — невинно сказал он Клаусу. — А то еще подумаю, что хочешь соблазнить девочку.

Тот только закатил глаза, показывая отношение к подобным шуточкам, и, обернувшись, быстро направился к машине.

— Расколдуй ее, и идем. Расскажу про Леманна.

Крампе улыбнулся. Леманн — это интересно. Пожалуй, стоит все же послушать этого

блондинистого зануду и... он покосился на Славку. Так, и «разморозить» девочку тоже, это правильно.

Крампе коснулся ее предплечья, посылая по телу теплый заряд. Ярослав шумно выдохнула и прикрыла глаза. Но тут же их распахнула и подозрительно уставилась на него.

«Так-так, может, и впрямь где-то в роду ведьма была? Вон как смотрит! Песня, а не взгляд!» — восхитился он про себя, однако вслух произнес совершенное иное:

— Вы задумались, Ярослава. — И галантно подал ей руку. — Не будем мерзнуть, Клаус любезно согласился нас подвезти.

— Где Соня? — хрипло спросила та, продолжая прожигать его подозрительным взглядом.

— В Зеркалье, — ответил чистую правду Крампе. — И лучше ей там не мешать. Прошу, не стойте.

Она некоторое время ничего не говорила и не шевелилась, потом наконец-то подала руку, только подозрительность так никуда и не ушла. Но с Крампе пошла нога в ногу, и когда он любезно распахнул перед ней дверцу машины, молча скользнула внутрь.

Клаус поднял крышу, прекрасно понимая, что человеческую гостью лучше не морозить. Ярослава все еще была напряжена, однако держалась великолепно и старалась не подавать виду. Крампе мысленно поаплодировал ей и сел рядом с Клаусом. Девушка, конечно, объект интересный, но напарник сейчас знает много интересного. Так что с девицами можно и обождать.

Ярослава, кажется, немного успокоилась, отогреваясь в салоне в кремовых тонах на мягком сиденье, на котором вполне комфортно было бы и поспать. Вот уж Клаус, модник. А по идее должен быть скромным милым мальчиком.

Девушка сняла перчатки и засунула их в сумочку.

— Почему Соня ушла в Зеркалье прямо здесь? Неужто никто из прохожих на это не обратил внимания?

Крампе изогнул бровь. Вот те на, оказывается, милая зеркальщица чересчур приличная и не прыгает в Зеркалье в людных местах?

— Вы странно на меня смотрите, — глухо сказала Ярослава.

Клаус сдавленно хмыкнул. В зеркале заднего вида отразились сверкнувшие серебром глаза, словно говорившие: «Вперед. Выкручивайся сам».

Крампе сделал вид, что ничего не услышал. И хоть от него не ускользнул возмущенный взгляд Ярославы, объяснять свое поведение не стал. Женщины такие женщины. Объяснять им что-либо — дело бесполезное. Особенно когда надо сохранить тайну.

— Если вашу подругу позвало Зеркалье, — вдруг пришел на помощь Клаус, — то сопротивляться зову весьма трудно. Тем более если зов был от Стефана. Возможно, ему нужна помощь. А... возможно, просто любопытство.

Ярослава что-то пробормотала, и Крампе еле сдержался, чтобы не улыбнуться.

«Что-то мне уже не нравится этот ваш Стефан» — прозвучало настолько мило, насколько сам Стефан никогда бы не мог побороться за прозвище «милого».

И пусть сейчас хотелось оказаться подальше от зануды Кенига и не в меру активной подружки Софии, Крампе был искренне благодарен первому, что тот решил рассказать историю. К тому же когда он уезжал, о Леманне кое-что слышал, но только мельком. А тут, кажется, назревает что-то весьма интересное.

— А можно узнать подетальнее? — начала было Ярослава.

Клаус повернул на Катариненштрассе и кивнул:

— Конечно. Слушайте.

«Кто из нас тут еще клеит девиц?» — хмыкнул Крампе и, отвернувшись, задумчиво уставился в окно.

Гамбург держал осень за руку. Тихо шептал сотнями голосов опавших листьев, асфальтом дорог, стеклами окон. Тучи разошлись, и осторожно скользнул между ними бледно-золотой солнечный луч по несущим покой водам Эльбы. Эльба, статная красавица в одежде из серебра и темных волн, скрывала в их глубине любопытных никс и прочих обитателей, готовых в любую минуту выбраться на поверхность и с интересом поглазеть на окружающих.

Жалко, Хуммель их гоняет. Говорит, распустились страшно, глаз да глаз нужен.

— Эрих Шмидт был первым, кто впал в кому. Студент, двадцать лет. Обычный парень, здоровье в норме: ни патологий, ни отклонений. В сомнительные мероприятия не влезал, все свободное время уделял рисованию.

Клаус говорил ровно и спокойно. Его тихий глуховатый голос мерно убаюкивал. Крампе боролся с желанием откинуться на спинку сиденья и прикрыть глаза.

— В кому впал без явных причин. Врачи всю голову сломали, как и почему. Впрочем, официальной версии нет и сейчас.

Кабриолет плавно притормозил на красный свет. Клаус вел аккуратно, словно чувствовал, кто и когда свернет, притормозит или прибавит газу. Хорошо бы такого водителя иметь при себе, только... лучше ему об этом не говорить.

— А... неофициальная? — осторожно спросила Ярослава.

Клаус выдержал паузу, словно нужно было довести слушательницу до какой-то стадии. Обычно так делают в театрах. Вот же выпендрожник.

Кабриолет тронулся. Крампе покосился на напарника и все же подал голос:

— Неофициальная заключается в том... Как вам сказать, просто все найденные в доме Шмидта зеркала были треснувшими. Разумеется, врачи этого не знали. Да и не обратили бы на это внимания. Но... у Стефана хорошие слуги. Нам удалось выяснить, что Зеркалье преступило границу. При этом, скорее всего, выпустило сеть, которая утянула душу Шмидта. Но... не до конца.

— Он был зеркальщиком? — перебила Ярослава.

Клаус ухмыльнулся:

— Если бы. Именно поэтому не сразу поняли, в чем дело. Обычный человек.

— Шмидт жил один? — уточнила она.

Крампе отрицательно покачал головой:

— Нет, с родителями. Собственно, через них мы и выяснили, что никаких зеркальщиков в роду юноши не было. С зеркалами он никогда не баловался. Поэтому сейчас, я бы сказал, сложилась крайне занятная ситуация.

— Угу, — неожиданно мрачно отреагировал Клаус. — Человек может умереть, а герру Крампе ситуация кажется... занятной.

Крампе закатил глаза, всем своим видом показывая, что не готов слушать мораль и нотации. Но что поделать, когда у тебя в напарниках именно этот... Каким бы нехорошим словом его назвать, чтобы все понял, но не решил вышвырнуть из машины. А то... мало ли.

Ярослава вздохнула. Она явно думала о чем-то своем. Либо не слишком хорошо понимала английский Клауса с характерным немецким акцентом. Впрочем... Крампе достал

из внутреннего кармана мобильник и открыл почту. Девочки явно куда лучше знают язык, чем рассказали ему. Не хотят попасть впросак или же желают знать больше? Похвально.

— Так вот, — продолжил он как ни в чем не бывало, открывая свежее письмо от Стефана. — Мы начали изучать ходы. Пытались понять, каким образом Зеркалье перетягивает к себе обычных людей.

Ярослава насторожилась:

— Но?

Кабриолет притормозил возле многоэтажного дома с красно-коричневой облицовкой. На вид — обычная многоэтажка.

— Но пока что все сложно, — мрачно проговорил Клаус. — Стефан натывается на глухую стену в своих поисках. Глава зеркальщиков, а справиться не может. Да к тому же ощутил, что силы уходят в никуда. Поэтому и потребовалось срочно привезти сюда Софию.

— А кто такой Леманн? — вдруг спросила Ярослава, демонстрируя, что отлично запоминает, о чем говорят ее собеседники.

— Врач, который наблюдает Шмидта, — отозвался Крампе.

Пора выходить. И, кажется, гадский Кениг ничего нового не знает, просто сделал отвод глаз для гостыи.

— И что с ним? — не отступалась Ярослава.

В письме Стефана не было ничего интересного. Только то, что стоит заглянуть к горгульям и дать понять, что шалить в ближайшие две недели не стоит.

— Три дня назад он тоже впал в кому, — последовал ответ.

* * *

Все не так плохо, как я думала. Все оказалось намного хуже.

По телу прошла волна жара, а от голоса незнакомца стало теплее и уютнее, будто мне говорили исключительно приятные вещи. Дар тянулся невидимыми руками к стоявшему рядом человеку, желал слиться со своей потерянной частью.

Но Стефан — его я признала даже при таком слабом освещении — был далеко не в восторге. Впрочем... я тоже. Первоначальное впечатление сейчас только укрепилось. Общего языка нам не найти. Чего только стоит этот взгляд! Да и интонация. Такая ясная, что прямо беги к обрыву и прыгай от радости головой вниз. Ничего себе встреча.

— Здравствуйте, — пробормотала я, отряхивая пыль с одежды.

Сказать «спасибо» язык не поворачивался. Через секунду дошло, что я спокойно общаюсь с ним без всяких преград. Хм, это что-то новенькое.

— И тебе не хворать, — довольно скупое отозвался Стефан, сложив руки на груди и осматривая меня с ног до головы. Так обычно смотрит мужчина, привыкший видеть красоток и тут вдруг наткнувшийся на нечто, что к красоткам отнести никак не может.

Я посмотрела ему в глаза и, невинно улыбаясь, развела руками. Уж чего-чего, а смущаться и молча скрипеть зубами не собираюсь.

Стефан приподнял левую бровь, однако в целом сохранил невозмутимое выражение лица. Позабавил ли его мой жест или же наоборот — мысленно заставил поморщиться, мне не понять.

— Как ты тут оказалась? — спросил он, не меняя позы.

Хм, Глава Зеркальщиков и не знает? Проверяет, что ли? Не надо так.

— Попала через зеркало заднего вида, — ответила я чистую правду, одновременно прислушиваясь к шорохам, доносившимся со стороны леса. Ничего похожего на присутствие мерзкого мужичонки, но быть наготове никогда не помешает.

— Чьей машины?

Клаус, Клаус... Как там мне его представили? А, точно, Кениг!

— Клаус Кениг, я так поняла, твой советник.

Стефан нахмурился. Он явно ожидал услышать нечто другое. В молчании прошло несколько секунд. Кажется, со мной первый раз такое. Я сразу вижу и понимаю, что думает человек. При этом думает: «И так все плохо, еще и сестричка приперлась».

Тут Стефан, не говоря ни слова, ухватил меня за руку и потянул за собой.

— Идем. Хоть бильвиз и ушел, нам здесь оставаться тоже не следует.

— Биль... кто ушел? — Я шла за ним, стараясь удержать равновесие и не споткнуться обо что-нибудь по дороге.

Хорошо быть мужчиной с нормальным телосложением, когда колосья пшеницы тебя не сбивают с ног. А возможно, поле растеряло всю враждебность, когда его обитатель скрылся.

— Бильвиз, — донесся мрачный голос Стефана.

Обернуться он не соизволил, но держал крепко. Даже если захочу вырваться, то придется приложить немало усилий. И пальцы у него сухие и жесткие. Как там говорил Гюнтер, братец музыкант? Ну и ну, так можно и струны порвать, и клавиши отбить. Разве что он играет на барабане.

Честно говоря, мне совершенно наплевать, на чем там он играет. Сейчас куда важнее следовать за ним и оказаться в каком-то более приятном месте.

— Бильвиз, — внезапно подал голос Стефан, — крайне злобное существо. Предпочитает гулять по полям и не пускать сюда чужаков. Хоть сам вообще-то живет в деревьях. В нашей реальности они, конечно, не хватают людские души. Да и выглядят немного не так. Тут какое-то искаженное отражение.

Я все же оступилась, попав в какую-то ямку. Стефан невозмутимо поймал меня под локоть и, не думая останавливаться, потянул дальше. Как ни странно, в нескольких метрах уже виднелась достаточно приличная дорога.

— Здесь бильвиз почему-то ухватил заблудшую душу, — задумчиво продолжил он. — Ума не приложу, каким образом. Обычно у них на это силенок не хватает.

Мы вышли на дорогу, Стефан тут же отпустил мою руку. Я с любопытством посмотрела по сторонам. Да уж, обычная ночная дорога где-то в сельской местности. Домики с горевшими желтым светом окнами находились на очень приличном расстоянии.

— Я хоть немного ослабила поводок?

Стефан пожал плечами:

— Подозреваю, что да. Но они слишком быстро исчезли, я разобрать не успел. Роггенмеме успела раньше, вот и предупредила их.

Мы двинулись вперед. Я поправила куртку, подняв ворот. Погодка здесь не лучше, чем в самом Гамбурге. Зеркало, находящееся в городе, будет в Зеркалье иметь климат и рельеф, которые близки данному региону. Поэтому ждать тут ласкового океана и жаркого солнца нет смысла.

— Роггенмеме — это кто? — решила я уточнить. Ну, мало ли, пригодится в будущем.

Стефан хмыкнул. Он не потрудился взглянуть на меня, что в целом не особо расстроило.

Если вежливость не его конек, бог с ним.

— Жены бильвизов, ржаные тетушки. Тоже обитают на полях. Только, в отличие от мужей, любят заморозить и завести людей в такие места, что те и не вернутся.

— Ржаные? — переспросила я, хоть и прекрасно расслышала.

Стефан, кажется, даже немного озадачился и махнул рукой в сторону поля:

— Ну да. Каким же еще быть на ржаном поле?

М-да, ботаник-биолог из меня так себе. Правда, не думаю, что рожь обиделась, что я ее пшеницей называла.

Стефан неожиданно остановился, мне тоже пришлось притормозить.

Он присел и провел пальцами по влажному асфальту. Потом криво усмехнулся и произнес:

— Какая прелесть.

Разобраться, что там за прелесть, я сразу не смогла. Поэтому немного пришлось поиграть в жирафа и вытянуть шею. На ладони Стефана поблескивала серебристая нить.

«Поводок от души-пленника из руки бильвиза, — поняла я. — Только... каким образом он оказался тут?»

На серебристой нити вдруг мелькнуло темное пятно.

— Ты порезалась, — мрачно заметил Стефан. — И твоя кровь дала возможность плененной душе сорваться с поводка.

Я посмотрела на руки. Да, действительно тоненькая царапина на пальце. Видимо, неудачно взмахнула рукой.

— Совсем сорваться? — недоверчиво поинтересовалась, понимая, что такое хоть и возможно, но... вряд ли. Слишком быстро все произошло. К тому же... хоть я на ловкость и не жалуясь, но сомневаюсь, что хорошо просчитала траекторию и сумела выпустить душу с первого раза.

— Нет, — тут же подтвердились мои мысли. — За пределы Зеркалья он не выскочит. Но будет пытаться. Кровь просто порвала поводок.

Я еле сдержалась, чтобы не фыркнуть, и приняла прежнее положение. «Просто». Ничего себе, просто! Вообще-то с кровью зеркальщика можно вытворять вещи страшной силы! Как разрушительной, так и созидательной. Другой вопрос, что надо уметь пользоваться. Но в любом случае это не мелочь.

Стефан поднялся на ноги. Нить выпускать он явно не собирался.

— Попробуем его поискать. Иначе опять попадет в неприятность. Видишь ли, София...

Он впервые назвал меня по имени, и я невольно вздрогнула. Прозвучало как-то резко и холодно, словно каждая буквочка была льдинкой на его языке. Взгляд Стефана был устремлен на нить, ко мне повернуть голову он так и не соизволил. Лунный свет четко освещал его профиль. Рассматривая лицо брата по дару, я осознала, что в жизни он еще больше похож на меня, чем на фотографии. Насмешка судьбы, однако. Даже нос до идиотизма одинаковый. Тот, кто наделил даром наших предков, явно был большим затейником. Кстати, до сих пор так и неизвестно, как передается дар и кто выбирает носителя. Есть теория, что само Зеркалье — огромный живой организм, обладающий собственным разумом и сознанием. Он по собственному усмотрению выбирает людей, которые будут ему служить.

Теория, конечно, весьма хрупкая и неподтвержденная, но уж какая есть. Возможно, тут у них, в Германии, есть что-то более ясное и четкое о передаче дара от зеркал к людям. При возможности надо будет поинтересоваться.

— Ты меня слышишь? — голос Стефана заставил меня очнуться от раздумий.

Я посмотрела на него и захлопала ресницами:

— Прости, что ты сказал?

Ну, ничего не могу с собой поделать! Если меня кто-то начинает отчаянно раздражать, то мозг сразу переключается на мысли о чем-то приятном. Или хотя бы отвлекающем.

Стефан закатил глаза. Понимаю. Кажется, у нас уже полная взаимность.

— Пошли. Сначала сделаем, потом уже будешь осваивать теорию... внимательная моя.

Очень хотелось ответить колкостью, но я прикусила язык. Действительно же его не слушала, теперь нет смысла изображать из себя святую невинность.

— Возьми нить, — глухо сказал он. — Раз уж перерубила поводок, то тебе и пытаться через кровь отыскать душу.

Предложение хорошее, я не возражала. Молча шагнула к нему и коснулась пальцами нити. На секунду почувствовала тепло от ладони Стефана. Он немного нахмурился и медленно выдохнул.

Луна исчезла, дорога словно стала живой и рванула вперед, вырываясь из-под ног. Я охнула и вцепилась в нить сильнее. Та уже потеряла свой прежний вид, превратившись в нечто упругое и гибкое, яркий свет ударил по глазам. Ладони обожгло, а со всех сторон засияли звезды.

И тут же все исчезло, уступая место тусклой белизне за прозрачной перегородкой от реального мира. Я озадаченно уставилась на умывальник, унитаз, чистый белый пол, выложенные кафелем стены. И... ага, чья-то уборная. Очень интересно. Только нигде нет личных вещей, что странно.

Я приложила ладони к зеркалу, всматриваясь в помещение. Где находится тело, чья душа так внезапно вытянула меня в такое... непредвиденное место?

— Ну и ну, — мрачно прокомментировал за моей спиной Стефан.

Он вдруг оказался достаточно близко и склонился, рассматривая уборную. Его дыхание коснулось моих волос, и тут же захотелось посоветовать отойти подальше.

— Это больница, — пояснил он, возвращаясь в исходное положение и давая мне возможность облегченно вздохнуть.

— А точнее? — осторожно уточнила я и все же посмотрела на Стефана.

Он немного поморщился.

— Долго объяснять. И отсюда мы не выйдем. Тут поставлены ловушки. Это палата Леманна. Придется зайти с другой стороны. Идем домой.

И, не дожидаясь моей реакции, он быстро развернулся и шагнул куда-то в сторону. Тут же Зеркалье пошло серебристой рябью и окутало высокую фигуру Стефана.

— Кто такой Леманн? — спросила я уже в пустоту.

— Узнаешь, — приглушенно донесся голос брата. И тут же сильная рука ухватила меня за плечо и потянула вперед.

Я не успела ничего сделать, просто прошла через зеркальную преграду, чувствуя, как возвращаюсь в реальный мир. Да, реальный. С запахом дерева, сандала и табака. Со звуками проезжающих за окном машин и мягким светом настольной лампы.

И тут на меня прыгнуло чудовище.

Глава 5

Родственные не чувства

— Пауль, нет! — крикнул за моей спиной Стефан.

Под тяжестью неведомой зверюги я не удержалась на ногах и завалилась прямо на брата. Тот прошипел какое-то ругательство на немецком, однако вовремя подхватил меня и придал вертикальное положение.

Крик застрял в горле. Взлетевшее на меня существо, отчаянно вцепившееся передними лапами в плечи, даже не подумало слезть. Я попыталась дернуться, но тут же услышала голос Стефана:

— Без паники.

Обойдя меня, он осторожно отцепил от моей куртки когтистые лапы, легонько шлепнул по оттопыренному уху и сгрузил чудовище на пол. Оно тут же подняло голову и посмотрело на меня огромными зелеными глазами с вертикальными зрачками.

Повисла тишина.

Такого мне никогда видеть не приходилось. Оно... странное. Впрочем, «странное» — мягко сказано. На секунду вообразите упитанного питона длиной под два метра, с черной чешуей. После этого вместо змеиной головы — кошачья. Уши больше, чем у обычного кота, и смешно торчат в стороны. Глаза смотрят с искренним любопытством. Вдобавок ко всему еще передние мощные лапы с острыми когтями.

Я сплотилась. Мамочки, это еще что за зверь Зеркаля?

Стефан прислонился к дверному косяку, сложил руки на груди и внимательно следил за моей реакцией. Неужто подумал, что я рухну в обморок? Занятно, занятно. Чего только не бывает.

Зверюга подползла ко мне и принялась задумчиво обнюхивать ботинки. Потом покосилась на Стефана с явным недоумением: «Ты чего такое приволок в дом, хозяин? Оно явно похоже на тебя, но... другое».

— Это кто? — тихо спросила я, замерев каменным изваянием. Все же тушка зверя, еще недавно висевшая на мне, была тяжелой. Поэтому не хотелось, чтоб оно снова прыгнуло на меня.

Зверь тем временем, видимо, удостоверился, что ничем неприятным или страшным я не пахну, потому что невозмутимо подполз еще ближе, обвил мою ногу хвостом и устроил морду на левой ступне.

Я издала нечленораздельное бульканье: удивление, возмущение и желание оказаться подальше слились в одно. А еще, честно говоря, ожидала, что Стефан сейчас самодовольно ухмыльнется и станет наблюдать, как я буду выкручиваться из ситуации. Однако... он сам озадаченно смотрел на зверя.

— Это татцельвурм, — ответил он и тут же обратился к ушастому: — Пауль!

Тот посмотрел на хозяина, потом на меня. В зеленых глазах застыло выражение, как у известного кота из мультика про Шрэка. А на морде так и было написано: «Ну чего ты? Видишь же, она не вопит и не брыкается. Я ей понравился! Ну, или просто она ошалела от радости, поэтому молчит».

— Сними его, — прошипела я.

Тушка татцельвурма (боже, кто это такой?) отдавливала ноги, весила эта скотинка как

крупная собака. Очень крупная собака.

— Не произноси таких зву... — начал было Стефан, но Пауль тут же ожил и вскарабкался по мне, как по молодому деревцу.

Я взвизгнула и отпрянула, напоролась спиной на какую-то полку и на этот раз зашипела от боли. Татцельвурм впился в когтями в мою руку и издал приглушенный мявк.

Стефан сгреб нас в охапку и быстро утянул в комнату. Диван оказался внезапно рядом и очень мягким.

— Сидеть! — рыкнул он.

При этом, приземлившись на диван, вытянулись по струнке и я, и татцельвурм. Даже переглянулись. Вид у обоих был, кажется, одинаково перепуганный.

— За что мне это? — донесся уже из коридора мрачный голос Стефана, который, судя по всему, пошел проверять, не уронили ли мы полку.

Я огляделась. Так, комната. Нехилая такая комната. Дорогая мебель из темного дерева, королевский диван, обитый бордовым велюром. Журнальный столик, на котором стоит раскрытый ноутбук. Два кожаных кресла. В шкафу стоит коллекция винтажных зеркал. Ясное дело, что они совсем не простые и находятся тут не ради красоты. На стене напротив меня висит огромный плазменный экран. Чуть поодаль находится еще один шкаф, на этот раз книжный. Даже сидя на диване можно разглядеть, что на полках разместились старые толстенные книги с потертыми корешками. Не удивлюсь, если обнаружу там «Энциклопедию Зеркалья» и «Справочник по основам горгоньих приемов». Книги дорогие и обязательные в доме каждого Главы зеркальщиков. Такие были у Сергея Леонидовича. Мне один раз довелось побывать у него в гостях и даже выпросить полистать заветные томики. Правда, радость длилась недолго. Увы.

Стефан вернулся в комнату. Посмотрел на меня как на предмет обстановки, который срочно надо куда-то деть. Желательно на свалку.

— Спасибо за гостеприимство, — пробормотала я. — Очень миленький дом.

Он весьма скептически отреагировал на «миленький», но комментировать не стал. Подошел и остановился в нескольких шагах, задумчиво посматривая на меня сверху вниз. Я почувствовала себя неуютно. Во тьме, когда мы ходили по Зеркалью, особо его было не разглядеть. Сейчас же, при желтом свете зажженных ламп, я поняла, что фотография несколько неверно передавала его образ. На фотографии он симпатичнее и как-то добрее. Тут же... Ладно. Я сама еще та корзинка с ромашками. Татцельвурм словно почувствовал возникшее между нами напряжение и положил лапу мне на колено. Я не сдержалась и погладила зверя по голове. Тот шипяще заурчал, довольно прикрыв зеленые глаза.

Стефан стоически выдержал нашу минутку нежности и сказал:

— Так как мы уже, скажем, познакомились, то ты должна знать следующее.

«Следующего» оказалось не так много. Вести себя прилично, не высовываться, татцельвурму на хвост не наступать, вести себя прилично, много на себя не брать, следовать указаниям Главы зеркальщиков, то есть Стефана, и... вести себя прилично.

Обосновывалось тем, что он понятия не имеет, что за новая гадость поселилась в городе и шастает по Зеркалью. Если меня утянет, он слишком страдать не будет, но и особой радости это не принесет. Все-таки может получиться международный скандал. А этого никому не надо.

Оценив воистину жаркие родственные чувства, вызванные даром, я молча кивнула. Татцельвурм невозмутимо устроился у меня на коленях и принялся чистить когти. Стефан

мрачно оглядел создавшуюся картинку и обозвал Пауля предателем. Развить эту тему не удалось, потому что в дверь позвонили.

Не говоря ни слова, Стефан пошел открывать.

— Нам тут, кажется, не рады, — шепнула я татцельвурму и потрепала его за ухом.

Скотинка хоть была и тяжела, но весьма добродушна. И, в отличие от Стефана, явно прониклась ко мне симпатией.

— Быстро вы, — донесся из коридора голос Крампе.

— Так получилось, — отозвался Стефан.

О, добрались своим ходом. Славка с ними, больше ей быть негде. Попытавшись вскочить с дивана, я поняла, что преграда в виде татцельвурма однозначно против. Пришлось подхватить его на руки и порысать к двери.

Стефан, зараза, стал так, что мне было практически ничего не видно. Пришлось остановиться за ним и приподняться на носочки, чтобы рассмотреть происходящее. Кениг явиться пред очи главы не потрудился. Напротив же были Крампе и Славка. Момент и правда эпохальный. Крампе — весь сплошной интерес и почти сочувствие. Славка — недоумение и мрачное неудовлетворение. И взгляд ее темных глаз направлен прямо на Стефана. Знаете, такое: «Вы мне не нравитесь совсем». Жаль, не вижу, как там на нее реагирует он сам. Это ж такой удар по мужскому самолюбию.

Хоть я симпатичнее Славки, но выглядит она куда более шикарной дамой, чем я. И мужчины реагировали на нее, разумеется, бурно. А тут всего лишь взгляд — и все сразу понятно.

Татцельвурм тем временем задумчиво обнюхивал мое ухо, беспощадно щекоча усами. Я с трудом сдерживалась, чтобы не захихикать. Стефан и Славка к этому времени пожали друг другу руки и обменялись вежливыми репликами, значившими ровно столько, сколько положено при знакомстве с новым человеком. При этом не было ни намека на элементарное понимание.

Крампе бросил на меня быстрый взгляд. Я чуть приподняла бровь. Так-так, кажется, он предвкушает веселую жизнь. Еще бы определить, для кого именно, и вообще будет прекрасно.

— Гюнтер, — ледяным голосом произнес Стефан, — прошу, проводи гостей в их комнаты. А потом зайди ко мне.

Славка не изменилась в лице, однако от меня не ускользнуло, что она крайне недовольна. Все же когда долго дружишь с человеком, почти читаешь мысли.

— Да, конечно, — кивнул Крампе. — София, Ярослава, идите за мной.

— У меня тут деталь. — Я показала на нахально рассевающую на руках «деталь», которая возмущенно мявкнула.

— Пауль, — сказал Стефан так, будто это должно было привести татцельвурма в чувство.

Тот нехотя сполз с меня и деловито пополз куда-то по коридору, подальше от нас.

— Нахал, — доброжелательно отметил Крампе и поманил нас за собой.

Когда я обернулась, от Стефана и след простыл.

Комнаты приятно удивили и порадовали. Светлые и уютные, небольшие и с замками под резными деревянными ручками. Без роскоши, но со всеми необходимыми для жизни удобствами. Ванная находилась рядом. Зеркало, висевшее там, явно было рассчитано на порнозвезду. Впрочем, порой зеркальчик от порнозвезды стоит не так далеко. Первым делом

я наложила на него горгоний крест, чтобы никому не вздумалось зайти ко мне, когда я принимаю душ. Само по себе зеркало очень красивое и без единой царапинки на поверхности. Это неувидительно. Чем сильнее зеркальщик, тем в лучшем состоянии зеркала рядом.

Славка заглянула ко мне. Она уже успела привести себя в порядок после дороги и переодеться в относительно простое коричнево-красное платье. Черная вьющаяся грива была заплетена в широкую косу, несколько своенравных локонов выскользнуло из прически, упав на лицо.

Славка сдула черную прядку и уперла руки в бока.

— Ты тут заснуть никак решила? Или боишься высунуть нос из дворца?

— Дворца? — оторопела я, даже позабыв, что только что была увлечена разглядыванием зеркала.

На лице Славки отразилось явное желание стукнуть меня чем-то тяжелым. Однако, видя, что я совершенно искренне не понимаю, о чем она, тут же вздохнула:

— Ты как вообще сюда попала?

— Через Зеркалье, — мрачно ответила я. — И тут же меня чуть не задавил татцельвурм.

— Жуткое существо, — поделилась мнением Славка. — Кстати, он уже разлегся на твоей кровати.

Я закашлялась. Подруга подошла ко мне и любезно похлопала по спине.

— Так вот. Мы подъехали к вполне обычному многоэтажному дому. Чистенькому, аккуратненькому, с внутренним двориком. Зашли в лифт, поднялись на четвертый этаж. А вот когда вышли...

Славка сделала интригующую паузу. Я позабыла про наглого котозмея и озадаченно посмотрела на подругу:

— Какой обычный дом? Тут ему тогда минимум этаж принадлежит!

Славка задумчиво поправила коралловый браслет, рассматривая круглые бусины с предельным вниманием:

— Именно.

* * *

За окном уже было темно, а свет включать не хотелось. Золотистый блик отражался от стоявшего в шкафу зеркальца. Одна только ночь знала, откуда взялся этот солнечный зайчик, столь неуместный в ее владениях.

Впрочем... Зеркалью все равно, какое время суток течет в настоящем. День, ночь, вечер, утро — без разницы. Потому что там, за тонкой преградой зеркального стекла, царит совершенно иная жизнь. И законы ее — другие.

Стефан сидел в глубоком кожаном кресле и мрачно смотрел на стакан со шнапсом. Во мраке комнаты виднелся только ободок стакана — больше ничего. Пауль устроился рядом и свернулся клубком. Острые когти впивались в бедро Стефана, а ухо задумчиво подергивалось, словно татцельвурму кто-то мешал во сне.

За окном было тихо. Стефан сделал глоток и немного поморщился. Ситуация и так неприятная, а еще и незваные гости. Он был изначально против этой идеи. Ну что? Сестра по дару. Жил без нее двадцать девять с половиной лет, прожил бы и дальше. Стефан

поморщился. Не хотелось думать, что в один момент чутье может просто исчезнуть, а зеркальная поверхность в какой-то проклятый миг станет бесполезной стекляшкой. И даже кров не оживит.

Стефан скрипнул зубами, вспоминая, с какой легкостью София отразила нападение бильвиза. Кажется, она не осознает своей силы. Или попросту не показывает этого. Он шумно выдохнул и, прикрыв глаза, откинул голову на спинку кресла. Будь неладен этот Крампе!

— Я все слышу, — раздался совсем рядом до боли знакомый голос. Разве что человеческие нотки в нем проскакивали едва-едва.

— Катись ко всем чертям.

— Я только что оттуда. Мои родственники передают тебе горячий привет.

— Да? — Стефан посмотрел на возникшего среди комнаты Крампе — черное пятно, чернее даже, чем ночь. Тень, дыра в иной мир... что угодно, только не тот, кого можно назвать нормальным советником Главы зеркальщиков города.

— Да, — передразнил его Крампе, все же обретая человеческий облик. — Ты же знаешь, моя несравненная чертова бабушка от тебя в восторге.

Стефан чуть не поперхнулся. Подумал и отставил стакан на стоявший рядом столик. От греха подальше. Кажется, час хандры закончился. Любое упоминание о родне Крампуса грозило тяжелыми последствиями. Даже если сама родня находилась очень далеко.

Крампе тем временем сел в соседнее кресло. Свет из окон дома напротив очертил его профиль, игриво коснулся острых поблескивающих когтей. Ага, значит, облик человеческий все же частично.

— Что у нас плохого? — поинтересовался Стефан.

Крампе выразительно постучал когтями по деревянной ручке кресла.

— Поцарапаешь полировку, — невозмутимо сообщил Стефан. — К делу. Что вам удалось накопать по Леманну?

Он прекрасно видел: советник не в лучшем расположении духа и уже приготовился высказать все, что думает по поводу нелюбезного приема девушек. Но Стефану сейчас было не до этого. Главная проблема — Леманн. Девушки — тоже проблема, но с ней борются с момента появления человечества и пока еще толком не знают, как преодолеть.

Крампе отмахнулся:

— Пока глупости. Врачи уверены, что это вирус. Но пока ничего найти не могут. Зеркал в палатах нет. Вообще загадка: каким образом удастся зеркалу утягивать людей, когда те находятся на приличном расстоянии?

— Мы тут и сидим, чтобы разгадать эти загадки, — заметил Стефан.

— Мой повелитель гневается? — невинно уточнил Крампе.

Стефан бросил на него испепеляющий взгляд.

— Слушай, тут и так проблем по горло, ты еще девиц притянул. Нельзя было это сделать после?

— На твоей могиле?

— Так надо испортить мне жизнь до нее?

— Портить жизнь — моя работа.

Стефан не нашелся, что сказать. Что ж, черт есть черт. И конкретно этому в логике не откажешь.

Пауль вытянул лапы, деловито потоптался на ноге Стефана, где сумел, и, довольно

мурлыкнув, переполз на быльце кресла.

Стефан пронаблюдал за нахальным татцельвурмом и едва успел отодвинуться, чтоб не получить мощным хвостом по носу.

— О... Паульхен, мальчик, я тебя не заметил, — почти проворковал Крампе. — Кажется, тебе пора заняться воспитанием своего хозяина, а то он совсем от рук отбился. Не надо так. Красивых девушек видеть не хочет, грубит, хамит, ведет себя так, словно воспытал страстью к противоположному полу и...

Стефан медленно поднялся из кресла. Одно из зеркал, находившихся в шкафу, вдруг задребезжало, и по комнате разлился печальный звон.

Крампе резко замолчал. Стефан мысленно пообещал, что обязательно устроит Крампе веселую жизнь и натравит на него напарника. Не надо создавать невыносимому советнику проблемы в жизни, достаточно оставить его один на один с Кенигом, которого не выносит он сам.

Звон стал тише, но в него вплелись тоскливые нотки. Стефан нахмурился. Такое впечатление, что кто-то из Зеркаля хочет достучаться до него. Приблизившись к шкафу, он молча посмотрел на переливающееся серебром зеркало в винтажной белой раме с потертой окружностью. И пусть оно размером с ладонь, на мгновение удалось рассмотреть одинокий дом с горящими ярко-желтым светом окнами, узкую тропинку, убегающую куда-то вдаль, ночную тьму. Толком не рассмотреть, но есть странное чувство, что это колышущаяся под ветром рожь. И стоит только сделать шаг вперед — утянет, заберет, не даст обернуться.

Стефан глубоко вздохнул, при этом даже не шелохнувшись. Начатое надо закончить. Оставшаяся там душа бьется бледной бабочкой об острые грани нереального мира Зеркаля.

— Что там? — донесся голос Крампе.

Стефан, не думая даже поворачиваться, поднял руку и ладонью повернул к стоявшему за спиной Крампе. Тому не нужны были слова. Гладкая отшлифованная ручка коснулась руки спустя миг. Стефан обхватил ее пальцами, сжимая, привыкая, пробуя на прочность. Даже не опустил взгляда, зная, что Крампе дал ему старинный нож с прямым лезвием и двумя зубуринами. Двумя. Потому что бильвиз и роггенмеме предпочитают ходить по двое.

— Скоро? — спросил Крампе.

— Надеюсь, — бросил Стефан и подался вперед, к серебряной глади зеркала.

«Скоро вернусь. Может, правда, не очень. Как пойдет».

Он задрал голову, разглядывая полную луну, повисшую драгоценной брошью на черном бархате неба.

Переход дался быстро и неощутимо. Уголки губ Стефана дрогнули в едва заметной улыбке. Ну уж нет, никто так просто его силу не заберет. Глава — не рядовой зеркальщик, с которым можно играть в игры. Попытаются — зубы обломают.

Стефан повернул голову в сторону дома. Огни в окнах погасли, словно по чьему-то сигналу. Под порывом ветра рожь пригнулась, как под чьей-то гигантской рукой.

В нескольких шагах появилось черное пятно. Оно тут же начало стремительно расползаться. Стефан стоял, даже не думая отходить. Не время убегать. Да и не за этим он сюда пришел. Только выставил вперед руку с ножом, лезвием к пятну. Тьма тут же остановилась, будто испугавшись. Ветер задул сильнее, пробрал до костей. Стефан немного поморщился. Не хватало еще простуду подцепить в Зеркалье, вот хохма будет. Крампе от смеха загнется просто.

Пятно тем временем вытянулось, как нескладная человеческая фигура, что стояла,

склонившись в пояс, а теперь решила разогнуться.

— Добрый вечер, — произнесла она хриплым неприятным голосом и отвела от лица растрепанные волосы.

«Лучше бы не отводила, — подумал Стефан, глядя на иссохшее лицо, подобное коре дерева. — А еще лучше бы не разгибалась вовсе».

Она была выше ранее встреченного тут бильвиза, обнажена и уродлива. Острые кости, обтянутые сухой кожей, выступали так, что их обладательница делалась похожей на странную птицу. Обвисшие черные груди ничем не прикрыты. Из набухших бордовых сосков медленно стекало что-то вязкое и густое, по виду напоминающее смолу. Когтистые руки висели как плети: Стефану не хотелось думать, что будет с человеком, который попадет в их объятие. Это ж точно кости переломают все, пощады не будет.

Роггенмеме перехватила его взгляд и улыбнулась пожелтевшими зубами. Ее блеклые глаза излучали столько злобы и презрения, что тут же захотелось занести руку с ножом и вонзить в прогнившее сердце полевой нечисти.

— Мы с мужем бесконечно рады гостям, — прохрипела она, снова улыбаясь так, что у Стефана по коже прошел мороз. — Только он сейчас немного отлучился, понимаете, наш непутевый родственник потерялся, вот и...

Рожь угрожающе зашептала, склоняясь под ночным ветром. В доме неподалеку на мгновение вспыхнул свет. Небо рассекло ослепительной молнией, но на землю не упало ни капли.

Фокусы Зеркаля могли напугать новичка, но не главу. Где-то вдалеке раздался жалобный крик, а потом — хохот бильвиза.

Роггенмеме поняла, что так просто гостя не запугать, поэтому зарычала и кинулась на Стефана. Он едва не упустил момент, рассчитывая, как вытянуть душу Леманна, но при этом избавиться от назойливой собеседницы. Когти роггенмеме почти коснулись его щеки. Про себя ругнувшись, он перехватил ее руку и сжал. Послышался неприятный хруст, и тварь отчаянно завывала.

Стефан вонзил нож в ее горло. Жуткое бульканье, миг — блеклые глаза остекленели. Роггенмеме захрипела и свалилась к его ногам бесформенной грудой. Впрочем, Стефан на это уже не смотрел. Он быстрыми шагами направился к месту, где слышал голос Леманна. В Зеркалье все неверно, все только на короткое время. Роггенмеме через время встанет, отряхнетесь и снова скроется в своих полях. Правда, далеко не факт, что все забудет. Есть крайне злопамятные твари. Не все любят, когда их убивают.

Душа Леманна, серебрящаяся в свете луны, вдруг пронеслась перед Стефаном. Он чуть покачнулся, удерживая равновесие. Ругнулся сквозь зубы: вот как теперь за ней бегать?

— Ночью по полям гулять опасно, — скрипящим голосом известили за спиной.

Стефан резко обернулся, только крепче сжимая нож. Лезвие отразило лунный блик, вязкая кровь роггенмеме тяжелыми каплями падала на землю. Бильвиз обратил на это внимание, нахмурился и заскрежетал зубами. Кажется, к погибшей супруге он испытывал чувства. Что ж, это плохо. Во всяком случае, для здоровья Стефана.

— Воровать чужие души еще опаснее, — недрогнувшим голосом произнес он. — Отпустите Леманна, его место не здесь.

Бильвиз вскинул руки в стремлении кинуться на Стефана, однако не сумел сделать ни шагу. Все же не зря нож — одно из средств испугать бильвиза до полусмерти. Он не посмеет приблизиться к тому, кто его держит. Сталь и дерево, закаленные временем. Больше и не

надо.

Серебряная душа возникла за спиной бильвиза и робко двинулась в сторону Стефана. Тут перед глазами все потемнело, а в ушах загрохотало так, будто совсем рядом начался камнепад.

Нож выскользнул из рук, и хрип бильвиза раздался возле самого уха.

Глава 6

Предупреждение Леманна

— Женщины ему неинтересны, — настойчиво произнесла Славка. — Вот увидишь, что я была права.

Я поперхнулась кофе, едва не заляпав роскошное кремовое покрывало с золотыми вышитыми цветами, которым была застелена кровать в моей комнате.

— Слушай, может, оставишь человека в покое?

Славка пожала плечами и принялась сосредоточенно грызть шоколадку. Все убеждения вроде «после шести не ем» резко испарились ввиду смены обстановки и малокомфортной ситуации. Мне-то ничего, жестких рамок касаясь времени потребления еды не имеется, а вот подруга очень принципиальна в данных вопросах. А тут — бац! — весь режим под хвост... татцельвурма.

— Он на нас так отреагировал, будто мы уведем обоих советников, — тем временем продолжила она. — Столько брезгливости, еще бы чуть-чуть — и выгнал бы всех.

— Никакой брезгливости я не заметила, — медленно сказала я, просматривая задания от работодателя и прикидывая, где искать материал. — Просто он не ждал гостей.

[Купить полную версию книги](#)